

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

ЖИВИТЕ И ПОМНИТЕ!

Бремя империи

Александр Афанасьев

Живите и помните!

«ЭКСМО»

2012

Афанасьев А. Н.

Живите и помните! / А. Н. Афанасьев — «Эксмо»,
2012 — (Бремя империи)

Горячее лето 2012-го... Вероломное нападение Великобритании на своего давнего союзника Североамериканские соединенные штаты увенчалось успехом. По крайней мере, так казалось самим англичанам. Переломить ситуацию могло только внешнее вмешательство со стороны Российской империи, но от него у британцев была надежная страховка – у них в заложниках оказалась семья императора Николая Третьего. Выбить этот козырь из рук лондонских интриганов не по силам никому. Кроме русского разведчика адмирала графа Воронцова, которому не привыкать выполнять невыполнимые задания. Тем более когда на кону – победа в разгорающейся Второй мировой войне!

© Афанасьев А. Н., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Ночь на 26 июня 2012 года	6
Аппер Бэй	10
26 июня 2012 года	11
26 июня 2012 года	16
25 июня 2012 года	18
25 июня 2012 года	21
Настоящее...	28
Метро	31
Канализационный коллектор	40
11 июля 2012 года	41
11 июля 2012 года	45
Ночь на 12 июля 2012 года	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Афанасьев

Живите и помните!

*Всего лишь восемь минут
Летит ракета в ночи,
И пламя адской свечи
В железном брюхе несет.
Коротких восемь минут,
А там – кричи не кричи,
Тебе на помощь уже
Никто не придет.*

Русское народное творчество

Девяносточасовая война.

Долгие годы – девяносто лет – без Мировой войны заставляли аналитиков, самозваных и дипломированных, профессионалов пера и профессионалов шпаги спорить – какой она будет, эта война. Удивительно... но никто не призывал подумать о том, что будет с людьми, которые погибнут в этой войне, что будет с разрушенными государствами и возможным переделом сфер влияния по всему миру. Почему-то мало спорили и о том, будет ли новый мир лучше, чем прежний, почти все были уверены – будет! Девяносто лет без большой войны сравнивались с девяноста годами в затхлой, давно не проветривавшейся комнате – никто при этом не думал, а что будет, если перебить стекла, впустить свежий воздух – а на улице двадцатиградусный мороз. Даже десятиградусный. Доживем ли – с разбитыми окнами до весны?

Никто не сомневался в том, что победа, кому бы она ни досталась, – будет трудной и завоевана она будет большим трудом и большой кровью. В этом весь современный человек – ему нужно что-то вроде рыцарского поединка. Тяжелого, утомительного, в котором каждая из сторон достойна победы – и все же одна из них принуждена проиграть, а другая – одерживает победу.

Того же, что произошло в действительности, – не знал никто. В японском фехтовании существует техника Нути-учи, техника выхватывания меча с одновременным нанесением удара, поединок завершается еще до того, как один из соперников принял боевую стойку и выхватил меч, готовый нападать и защищаться.

Именно так – состоялась вторая мировая война. В ней не было никаких долгих бомбардировок, никакого сверхнапряжения усилий миллионов и миллиардов людей. Просто один человек, жестокий, решительный и искусный в войне, подгадал правильный момент – и нанес по своему извечному врагу один, но страшный, обезоруживающий и определяющий дальнейший ход войны удар. Потом его во многом обвиняли, его победу признали недостойной практически все, но ему не было до этого никакого дела. Потому что он одержал победу. А они проиграли. Это было все, что ему было нужно. Это было все, что он хотел. Великобритания, Империя, над которой никогда не заходит солнце, – была разгромлена в течение примерно пятидесяти минут, оставшееся время до мирных переговоров шло закрепление достигнутых позиций и добивание врага.

Эта война вошла в историю как девяносточасовая война.

Ночь на 26 июня 2012 года Атлантический океан Траверза порта Нью-Йорк

Глубина...

Спасение для боевых пловцов, гибель – для моряков. Те, кто сейчас находился на борту вертолетоносца «Сэр Галлахад», активно участвовавшего в операции по захвату Североамериканских соединенных штатов, – и представить не могли, *что* находится под ними...

Здание – восемь этажей. Мобильное, большую часть времени проводит под водой, на многометровой глубине. Кубрики – личный состав, припасы, вооружение, помещения для тренировок. Есть две барокамеры и даже небольшой тир – чтобы на время перехода боевые пловцы могли поддерживать свою форму, для них – это критично, промах – смерть. Тир всего двадцать метров, стреляешь только спецпатронами из разрушающихся материалов, но на подводной лодке это – как километровая директриса на воле, здесь, под водой, и метра лишнего нет. В тире же – проводятся короткие и жестокие упражнения на выживание – пули из красящего материала, конечно, не настоящие, но бьют больно, до синяков и кровоподтеков.

Высадка. После ночного, суматошного отхода по тревоге, после нескольких дней перехода – наконец-то высадка. Они до двух месяцев ходили без единого всплытия, дышали «рекультивированным» воздухом, питались консервами, испражнялись в туалетах, больше похожих на космические, но тогда было не так. Тогда – они знали, что это учебный поход, их просто испытывают на выживание. Сейчас – это уже не учеба, там, куда они идут, – настоящая война. Не борьба с фанатиками, повстанцами и террористами – а настоящая война с артиллерией и авиацией, которая не только у тебя, но и у противника. Их готовили, поколение за поколением именно к такой войне, но войны такой не было, и они вынуждены были идти на ту, которая была. Лежали в болотах, наблюдая за схроном с оружием, ночью штурмовали дома в мятежном городе, где, по данным разведки, засела террористическая ячейка фундаменталистов. Брали, а иногда и убивали главарей мятежников и террористов на рынках, на многолюдных улицах, переодеваясь в гражданское и скрывая в складках одежды верный пистолет. Это было не то, чем стоило гордиться, – это была грязь, подлость, кровь и никакой славы. Но они делали это потому, что это было нужно и больше это делать – было некому. Сейчас же – держава отправляла их на другую, настоящую войну, где они должны были помочь другому народу выстоять. И победить. И они решительно были настроены сделать это. Впервые за многие годы, на планете громыхла большая, настоящая война, война между сверхдержавами, война, где уже применили ядерное оружие, – и их место было там. На войне.

Костюм. Здесь не так холодно, как подо льдами Северного Ледовитого океана, – поэтому пойдет трехмиллиметровый, без подогрева. Температура воды примерно такая же, как на Балтике осенью, – они плавали в ней вообще голыми, поэтому будет нормально. Еще один – полный комплект обмундирования морской пехоты САСШ вместе с завернутыми в запаянный пластиковый пакет документами – в водонепроницаемый мешок и в груз. Личный, потому что такое нельзя класть в групповой грузовой контейнер. Если даже общий груз погибнет – средства выживания должны быть у каждого. К тому же – они личные, подобраны индивидуально, можно запросто перепутать.

Маска и акваланг. Это не акваланг, а ребризер, в нем используется замкнутый дыхательный цикл, воздух, который ты выдыхаешь, очищается и поступает тебе снова. Чтобы понять, что это такое, – попробуйте вдохнуть щепотку соды, вот примерно такое же неприятное ощущение возникает у непривычного к такому дыхательному аппарату человеку. Но делать

нечего – ребризер обязательно нужен, потому что он не дает предательских пузырей при движении под водой.

Вооружение. Подводный нож – скуба, без обозначения производителя, очень удобный, черный, с неопреновой рукоятью и нейтральной плавучестью – на правую ногу или левую, в зависимости от того, у кого какая рука ведущая. Подводный револьвер конструкции Ирвина Барра, в просторечье называемый «мясорубкой» – на пояс, в специальную кобуру. Еще один пистолет – Colt SOCOM с глушителем, лазерным прицелом, несколькими магазинами и пачками патронов сорок пятого калибра – в личном наборе выживания, вместе с формой. Основное оружие, которое придется использовать на берегу, – автоматическая винтовка FARC конструкции Юджина Стоунера со складным прикладом, цевьем SOPMOD, подствольным гранатометом, коллиматорным или оптическим прицелом малой кратности с увеличивающей насадкой – в отдельном водонепроницаемом мешке в личном грузовом контейнере, который крепится на личном подводном средстве движения – проще говоря, грузовом скутере, который доставит тебя в Нью-Йорк. В групповых грузовых контейнерах следует групповое оружие – реактивные гранаты, пулеметы Mk43mod1, снайперские винтовки Mk11 и Mk13, даже ракетная установка «Стингер» с несколькими контейнерами с ракетами. Но все это – можно (хоть и нежелательно) потерять при высадке. А вот личное оружие, то, что находится при тебе, – терять нельзя никак.

Все они – группа «Гранит» – подготовлены для оперативных действий в САСШ, в особый период они должны были обрушиться на прикрытые системами ПВО аэродромы базирования стратегических бомбардировщиков, вывести из строя главную базу атомных подлодок в Норфолке вместе с подлодками, которые там будут, взорвать находящиеся в портах авианосцы, ударить по местам концентрации баллистических ракет, так называемым ракетным полям, попытаться уничтожить военное и гражданское руководство Североамериканских соединенных штатов, взорвать атомные электростанции для паники и дезорганизации. Многие из них прошли под той или иной легендой подготовку в настоящих частях армии и флота САСШ, все они свободно говорят на английском, они могут раствориться в толпе, они могут сделать заказ в кафе, познакомиться с женщиной, участвовать в местных выборах – и никто не заподозрит, что они не североамериканцы. Их учили убивать, но ирония судьбы в том, что сейчас их послали помогать.

Командир группы, капитан первого ранга Таранов, прошелся мимо выстроившегося в тире (больше просто места не было, лодку загрузили под завязку) небольшого строя – каре, по привычке проверяя снаряжение. Оно, конечно же, у всех было в порядке.

– Господа, – начал он, только он знал задание и обязан был довести его только перед началом высадки, – наша задача заключается в следующем. Фаза один – проникнуть в Нью-Йорк без потерь, не раскрывая себя. Путь проникновения – подводный, через порт. Фаза два – выйти на контакт с агентом Странник, это агент глубокого залегания с большими возможностями здесь. Предположительно – он находится в Нью-Йорке и ждет нас. Фаза три – мы поступаем под командование Странника и делаем то, что он говорит.

Настоящее имя и звание агента Странник знал только капитан первого ранга и трое его заместителей. Им довели под расписку, строго секретно. Только наличие в Североамериканских соединенных штатах агента столь высокого ранга – вице-адмирал флота – и столь высокой квалификации заставило командование флота рискнуть и пойти на переброску группы спецназа с оперативным подчинением ее местному агенту. Что касается капитана первого ранга – он, как и вся элита русского спецназа, слышал об адмирале Воронцове, помнил и о его повышении и о его падении – и сейчас капитан был рад тому, что узнал. Ходили слухи о том, что адмирал Воронцов предал, работает сейчас на североамериканцев, что это вскрылось, и он вынужден был бежать за границу. Сейчас же – ему было ясно, что это была операция по компрометации в целях внедрения агента, и операция прошла успешно. Как только это можно

будет открыть хотя бы в узком кругу – все вздохнут с облегчением, потому что измена офицера и столь родовитого дворянина – это пятно не на нем лично, это пятно на офицерстве и дворянстве. Среди дворян и офицеров предателей не могло быть по определению.

А раз все прояснилось, значит, еще повоюем.

– Вопросы?

Вопросов нет. Везде горит мрачный, красный свет, на все лампах здесь красные светофильтры, чтобы не угробить случайно прибор ночного видения. Красное освещение и черные резиновые костюмы аквалангистов – больше это походит на подготовку прорыва в наш мир через запертые два тысячелетия врата.

Нет. Не время.

– Десять минут на личные дела. Сбор у ангара, в полной боевой. С нами Бог, господа!

И за нами – Россия...

– Синие, внимание. Ангар затоплен. Давление на максимуме.

Давление и впрямь было на максимуме – давило на уши, было такое ощущение, как будто ты попал на самолете в неслабую воздушную яму. Но для Вадима Дымова, унтер-офицера отряда «Гранит», выведенного из подчинения оперативного командования флотов и подчиненного лишь Морскому генеральному штабу, – это было привычным: они тренировались в инфильтрации – покидании субмарины всеми возможными способами – не реже одного раза в месяц.

Покинуть подводную лодку – не такое простое дело, как кажется. В синематографе обычно показывают, как спецназовцы покидают лодку через торпедные аппараты, но в жизни этот способ применяется лишь при экстренном покидании тонущей либо не имеющей хода субмарины. Во-первых – торпедный аппарат имеет диаметр, соответствующий диаметру торпеды, то есть чуть больше пятидесяти сантиметров. Самому-то покинуть субмарину через торпедный аппарат возможно – а вот с грузом будут проблемы, и с подводным скутером – носителем – тоже. Они просто не уместятся в торпедный аппарат. Кроме того, покидая лодку на ходу и без скутера, – почти гарантированная смерть, потому что ты не выгребешь – обтекающий лодку поток воды затащит тебя под винты. По этой же самой причине глупостью являются фильмы и компьютерные игры, в которых есть сюжеты о том, как спецназовцы что-то прикрепляют на корпус лодки. Будет то же самое, засосет под винты, а прикрепить что-то на винторулевую группу – это вообще из области фантастики, там такие потоки, что тебя либо отшвырнет в сторону, либо затянет под винт и перемелет в фарш – да даже если и не под винт, напор там такой, что кости переломает. В общем, с этим разобрались.

До того как спецназ занимал в структуре флота подчиненное положение, он располагал всего лишь несколькими маленькими специализированными лодками – транспортировщиками, выход из них осуществлялся по всплытию. Да, да, это кажется глупым – всплывать, но это единственный простой и надежный способ инфильтрации, с всплывшей лодки – и на надувную лодку с мотором. Упомяну также и о том, что лодка не может, как в синематографе, остановиться в водной толще и зависнуть на одном месте, выпуская боевых пловцов, она будет либо всплывать, либо тонуть, в зависимости от того, что у нее в балластных цистернах, вода или воздух. Так что – не верьте фильмам и играм. Жизнь – она штука сложная.

После того как в девяностых годах во всех флотах ведущих держав мира осознали ценность спецназа, а линейные корабли¹ окончательно превратились из оперативного состава флота во всего лишь прикрытие и обеспечение для десантных и авианесущих кораблей – в Российской Империи начали выстраивать глобальную систему поддержки и доставки спецназа. Она была примерно такой же, как в Североамериканских соединенных штатах – переделан-

¹ Не путать с линкорами.

ные стратегические подводные ракетonosцы, лишь британцы стали строить корабли-матки на четыре скоростных вооруженных катера с платформой для вертолета и люком для подводного покидания судна. В САСШ переделке подверглись ракетonosцы класса «Лос-Анджелес», у нас – «под спецназ» полностью был отдан весь класс «Тайфун». Восемь ракетonosцев, они постепенно выводились из состава подводных сил сдерживания по мере того, как на вооружение поступали ракетonosцы класса «Юрий Долгорукий» – с современными твердотопливными ракетами и одним длиннолопастным тихоходным винтом. «Тайфун» был самым крупным подводным судном из числа построенных человечеством, у него даже была отдельная классификация – тяжелый подводный крейсер стратегического назначения. Как-никак пятьдесят тысяч тонн водоизмещения и сто семьдесят пять метров длины – это характеристики линкора! Их передача спецназу (точнее четыре передали спецназу и четыре – морской пехоте) позволила полностью отказаться от крупных надводных судов для поддержки специальных операций, за исключением замаскированных под гражданские.

Первоначально «Тайфун» был оборудован под боевое дежурство с двадцатью четырьмя ракетами стратегического класса на борту, имелись у него и торпеды. Сейчас – вместо двадцати четырех межконтинентальных ракет на его борту имелось в зависимости от модификации – от ста до двухсот двадцати крылатых ракет «РКМ-55», именно эти ракеты обрушились на британскую Индию в рамках ответного удара после событий в Бейруте. Но эти ракеты были только средством поддержки действующих на берегу групп спецназа, а основным предназначением лодки была доставка групп спецназа и обеспечение автономности их нахождения в опасной зоне до трех месяцев...

Абсолютная, непроницаемая темнота давила на нервы, ангар для выхода боевых пловцов был просторным, да еще и с выводом вверх, позволяющим не «попасть в струю». Но даже и так – все равно было страшно, казалось, что ты завален где-то в шахте, порода со всех сторон и выхода нет.

– Раздраить отсек. Готовность.

Ворота ангара начали раздвигаться, расходясь в стороны и вбок по сложной траектории.

– Отсек раздраен. По порядку номеров – начать движение.

Винты группового подводного носителя – транспортировщика – взвихрили воду, неприятная дрожь прошла по телу. Они выходят четырьмя группами, два пловца на грузовике – грузовом носителе, и шесть – на индивидуальных скутерах. До цели – полтора десятка миль под водой, лодка подошла так близко, как только возможно, и залегла на дно. Она будет ждать их до последнего.

Ворота раскрылись окончательно, грузовой транспортировщик уже вышел в литораль – и Владимир нажал на ручку газа своего скутера...

Анна Бэй

- Главный, внимание! Точка один пройдена, точка один пройдена.
- Вас понял. Главный – всем. Белые идут на Ист Ривер. Синие – на Говернорс Айленд. Желтые – на Уотерфронт. Черные – на Ньюарк. Не шуметь, действовать тихо. С нами Бог...
- Тридцать два бойца – восемь по четыре. Хоть одна из групп, но дойдет. Должна дойти.

Первое, что подумал Владимир, – как же здесь все-таки грязно. Просто ужасно... чего только нет на дне, страшно даже приближаться. В Кронштадте и по Неве постоянно работают землечерпалки, чистят, углубляют, а тут... Всякая грязь, автомобили... кажется, даже легкие лодки лежат сплошным слоем на дне, покрытом грязным, черным илом. Вода мутная, даже какие-то омерзительные сгустки плавают, в подводный прибор ночного видения это видно.

Жуть.

- Синие, я лидер-синий, поворот на двадцать.

На корме грузовика видно большой, светящийся прямоугольник. Естественно, светится он только в приборе ночного видения, никто не рискнет идти на таком мелководье с фонарем – да и на большой воде не рискнет, слишком глупая смерть, если попадешься. Владимир мельком кинул взгляд на небольшой экранчик – скутер израсходовал две трети заряда. Ничего хорошего – резерва нет, хотя они почти и пришли...

Ночь. Нью-Йорк. Затемнение – и пламя пожаров, горящих там, где уже некому тушить. Взлетающие над городом трассеры. Британцы сюда еще не добрались по суше, но бомбят и обстреливают постоянно, вертолет может появиться в любой момент.

- Синие – стоп.

Спецназовцы выключают скутеры. Чуть подрабатывая ластами, выстраиваются в боевой порядок, окружая контейнер.

- Готовность к всплытию. Контроль.
- Есть.

Два боевых пловца, осторожно работая ластами, поднимаются вверх, оставив на глубине свои скутеры. Черная, покрытая масляной пленкой от разлитого топлива вода вздымается – и две черные головы появляются над ней, глядя в разные стороны.

- Чисто.
- Чисто.

Всплытие...

26 июня 2012 года Где-то в Нью-Йорке

Любая страна, подвергшаяся массированному нападению, не может защищаться исключительно силами профессиональной армии, и в то же время – ни одна страна в современном мире не может держать в мирное время армию численности, достаточной для обеспечения ее защиты в военное время. Армия в мирное время – это небольшая, высокомобильная организация, предназначенная прежде всего не для защиты страны, а для локальных операций за ее пределами. Североамериканская армия подошла к конфликту в довольно хорошем состоянии, с частями, имеющими реальный, свежий боевой опыт. Вот только проблема в том, что наиболее боеспособные части находились за границей и не могли защитить страну. Попытка переброски при превосходстве британского флота в Атлантике привела бы только к безумным потерям.

Таким образом, на защиту страны встали немногочисленные спецподразделения, спецслужбы, части национальной гвардии – и кое-где начавшие с грехом пополам мобилизоваться резервисты. То, что все эти силы до сих пор не смели, что они как-то держали ситуацию, объяснялось лишь тем, что Великобритания также не смогла ни провести мобилизацию (об этом сразу стало бы известно), ни сконцентрировать на южной границе Канады достаточное количество хорошо подготовленных частей с тяжелой техникой. Внезапность нападения требовала скрытности сосредоточения и накладывала на мероприятия по сосредоточению сил значительные ограничения. Но силы прибывали с обеих сторон, и с каждым днем сражения становились все ожесточеннее.

Национальная гвардия САСШ – это не более чем народное ополчение, которое получает льготы по налогам и какие-никакие деньги в доплату к своему жалованью на гражданке. Время от времени они собираются и устраивают пострелушки-покатушки на реальной боевой технике под командованием настоящих пехотных офицеров. Толку от этого, сами понимаете, мало, и систему защиты континентальных САСШ от сухопутного вторжения нельзя сравнить с мощнейшей системой обороны Российской Империи.

Отойдя немного в сторону от темы, надо сказать, что Российская Империя почти все время своего существования жила в состоянии непрекращающейся мобилизационной готовности, прерываемой периодами войн. Русская территория была огромной, и ее требовалось постоянно защищать. От татар, от поляков, от французов, от японцев... Господи, кто только не приходил. Поэтому в Российской Империи сформировалась и не расформировывалась даже после изобретения ядерного оружия мощная четырехступенчатая система защиты своей территории, аналогов которой не было нигде в мире.

Первая ступень – это имперский флот. Уже одиннадцать ударных авианосцев, каждый со своей группой сопровождения, пять дивизий подлодок-охотников, литторальные дизельные подлодки для охоты на мелководье. В случае нападения Британии, САСШ или Японии эти силы должны будут атаковать противника, сорвать его высадку на сушу, атаковать суда, перевозящие подкрепления и припасы для десантировавшихся на сушу сил, способствовать отрезанию высадившихся сил от источников снабжения, их окружению и пленению или уничтожению. Существовали планы перекрытия целых океанов: один-два авианосца создают зону воздушного контроля, в этой зоне скапливаются волчьи стаи подлодок-охотников. Отрезать Англию, Японию, даже САСШ от мировой торговли, от перевозимых по воде товаров, от нефти, угля, руды – и война просто не сможет продолжаться.

Вторая ступень – это армия. До трех миллионов человек, она состоит из тех, кто выразил желание отслужить, и профессионалов, служащих по двадцатилетнему контракту. Эти люди полностью отдают свои знания и умения защите Родины, они готовятся либо на операторов

высокотехнологичных систем, либо на унтер-офицеров, которые в мирное время служат на рядовых должностях, но в особый период должны принять под свое командование формирующиеся роты. Существовали планы преобразования полков мирного времени в дивизии, при этом они оставались полками, способными выполнять боевые задачи. Просто для выполнения задач в относительно мирное время им придавали казаков.

Третья ступень – это казаки. Чисто русское изобретение, такого нет нигде в мире – даже германские ополченцы в Африке не дотягивают, не такой системы. Казачество, как класс воинов-хлебопашцев, сформировалось в то время, когда границам угрожали набеги крымской и татарской конницы. Для защиты от них и одновременно для освоения новых земель и было создано казачество, конное войско, которое владело выделенной Государем землей и по его призыву – обязывалось вставать под знамена русской армии. В казаки принимали всех, в том числе и бежавших крепостных, и уголовников (с Дона выдачи нет!), но основа этого войска все же была здоровой – это были люди, служащие Государю и России.

Казаки в двадцатом веке должны были исчезнуть вместе с кавалерией, но они не только не исчезли, казачество укрепилось и материально, и численно. Без казаков не удалось бы освоить Восток, там, где раньше были плодородные, дающие по четыре урожая в год поля, были болота, но как только приходили русские, начинали их осушать и становились на хозяйствование, все местные хватались за винтовки и бомбы. В сороковые года, после окончательного упразднения конницы, казакам была дана воля наниматься в охрану, и они этой волей воспользовались. Все русские, да и не только русские вассалы в маленьких царствах и княжествах, куда больше доверяли русским казакам, нежели местной, лукавой, бунтовщической и нестойкой в бою армии. В некоторых странах – как например, в Бухарском эмирате – армии и вовсе не было, и не потому, что Россия не позволяла. Роль армии выполняли казаки еще и потому, что власть шаха (эмира) держалась на штыках, и лучше было, если эти штыки были русские, а шах выступал в качестве посредника между собственным народом и русской властью в виде казаков. В Бухарском эмирате казаки пришли на смену армии, после мятежа казненной до последнего человека.

Казаки, в отличие от других подданных Его Величества, служили в армии в обязательном порядке, и в случае, если кадрированная военная часть отправлялась на выполнение боевой миссии в мирное время, она доукомплектовывалась именно казаками. Казаки постоянно имели при себе оружие, которое либо брали с боем в различных горячих точках, либо покупали на свои деньги в магазине или с армейских складов, им разрешено было покупать все, без ограничений, даже легкие зенитные установки. Казаки имели собственную структуру местного самоуправления: местные органы власти возглавлялись атаманами, а высшим органом власти был Войсковой круг. Порядок на территории своего войска они тоже поддерживали сами, государственные структуры не совались в казачьи места без крайней на то необходимости. Иногда это приводило к эксцессам – например, разъяренные казаки повесили в Новочеркасске наркоторговца без суда, прежде чем подросла полиция, но обычно все было тихо и мирно. Возможно, потому, что, если того же наркоторговца тихо прирезать в какой-нибудь станице и спустить в Дон, никто и не узнает, что он там был. Казаки – это была мобилизационная сила, состоящая как минимум из шести миллионов бойцов призывного возраста, которая в случае необходимости могла влиться в действующую армию; они постоянно поддерживали высокий уровень готовности и не стоили казне почти ничего.

Четвертый, и последний, уровень обороны, способный при его активизации дать стране до шестидесяти миллионов штыков, опирался на Собственное Его Императорского Величества стрелковое общество. Только его члены имели право купить себе боевое оружие, и, вступая в СЕИВ СО, каждый давал клятву выступить с оружием на защиту России, как только в том возникнет потребность. Все было правильно – тем, кто не готовится защищать свою страну, боевое оружие ни к чему. Его Императорского Величества стрелковое общество тоже не стоило стране ничего – наоборот, покупая оружие и патроны, стрелки в числе цены платили

подать, целиком идущую на нужды армии, они сами тренировались и поддерживали уровень готовности, но в случае массированного вторжения в страну они могли и должны были сыграть свою роль. При том маловероятном сценарии, когда все мировые державы могли объединиться против России и вторгнуться на ее территорию, после разгрома флота, им пришлось бы иметь дело с миллионами людей, воюющих за свой родной дом. Им пришлось бы воевать с людьми, воюющими на пороге своего дома и знающими тут каждый куст, каждую ямку, каждое укрытие. В городах, в селениях им пришлось бы с боем брать каждый дом, каждую улицу. И даже взяв их, они бы столкнулись с партизанской войной, с людьми, приходящими из леса и нападающими на коммуникации, движущиеся к фронту пополнения, на тыловые части, квартирнерские разъезды. С каждым шагом в глубь территории страны было бы только хуже и страшнее, и кончилось бы все тем, чем кончил Наполеон, – разгромом многонациональной армии и бегством из России. Это неправда, что мир сохраняет ядерное оружие. Такие вот люди, которые готовы насмерть стоять за свой дом, страшнее любых ракет.

В Северной Америке можно было бы сказать, что роль казаков исполняла национальная гвардия, мобилизуемая по указанию губернатора штата, а роль СЕИВ СО – НРА, Национальная оружейная ассоциация. Проблема только в том, что сравнение мужиков, годами не вылезавших из зон локальных конфликтов, а до этого пять лет отбарабанивших в армии, и бывших мясников и булочников с опытом в виде пострелушек-покатушек, будет явно не в пользу последних. А НРА, национальная оружейная ассоциация, была создана не как общество людей, желающих защищать Родину, а как сообщество оружейных фирм и любителей оружия, лоббирующих свои интересы и отражающих попытки либеральных политических деятелей ограничить право североамериканцев на хранение и ношение оружия, предусмотренное Второй поправкой к конституции САСШ. К слову сказать, для России попытки отобрать оружие у людей, готовящихся к защите Родины и Престола, выглядели бы не просто дико, но и могли быть расценены как измена и подстрекательство к разоружению перед лицом врага.

Все-таки Российская Империя была дико нетолерантной страной. И именно поэтому она оставалась Россией.

– Уилл, ты куда?

Национальный гвардеец, который вообще-то работал водителем грузовика, развозившего товары по супермаркетам, не оборачиваясь, бесхитростно объявил:

– Поссать...

Лейтенант запаса Томас Эйнсворт, когда-то проходивший службу в десятой горной дивизии, а сейчас владеющий тремя небольшими барами для любителей крепкого пива, тяжело вздохнул – с дисциплиной были проблемы...

– Черт, не стоило пить столько пива... – сказал второй национальный гвардеец.

– Это же ты его нашел! – моментально сказал третий.

Пиво они, можно сказать, что нашли. Поступило сообщение, что негритянская банда грабит супермаркет, они выехали туда. Негры не отличались особой стойкостью в бою, и при появлении «Хаммеров» они тут же свалили, огрызнувшись автоматным огнем и получив в ответ несколько очередей из «большой мамочки». Англичане господствовали в воздухе, высаживали какие-то разведгруппы, уже шли бои в Вашингтоне, оказавшемся почти на пути усиленных бронетехникой британских сил вторжения, но пока основной проблемой Нью-Йорка были разъяренные и хорошо вооруженные негры, моментально вышедшие из-под контроля и бросившиеся убивать, насиловать и грабить.

Вот тебе и вся толерантность в одном флаконе с политкорректностью.

Пока Уилл освобождал свой мочевого пузырь, лейтенант напряженно думал. О том, какого хрена вообще происходит и кому вообще они подчиняются. Вроде как губернатору – губернатор активизирует национальную гвардию. На деле – типа командованию первой бронека-

валерийской дивизии, которая занимает оборону в этих местах. Но в то же время есть какая-то ФЕМА, и вроде как в условиях чрезвычайного положения они и есть власть. Пока их не бросили на передний край, но в любой момент могут бросить. И не стоит ли смотать удочки, пока не поздно, тем более что непонятно – кто командует и какого хрена нужно подчиняться.

– Эй, лейт! Смотри!

Лейтенант обернулся, посмотрел туда, куда указывал палец Гектора, их водилы, классного, надо сказать, потому что в мирной жизни он водил нью-йоркское такси. Там трое негров кого-то прижимали к стене, драки не было, но...

Лейтенант выматерился про себя. Вроде как он здесь власть, они и разбираться с этим должны. Хотя он с большим удовольствием перепоручил бы это полиции.

– Вик, давай за мной и смотри в оба. Гек, оставайся у машины. Крикни Уилла, какого хрена, он там что, обоссался?

– Есть, сэр.

Лейтенант размашистой походкой направился к нарушителям порядка. Негры... другого и придумать сложно, конечно же, негры. Три здоровых битюга в широких штанах, один – с серьгой в ухе, и девица. Тоже негритоска, вида блядовитого, но это не преступление.

– Что здесь происходит? – спросил лейтенант, надеясь, что его голос звучит как надо, уверенно и сухо, как у полицейского. – Мэм, эти ребята вас обижают?

– Какого черта, папаша, мы заплатили этой суке, а она решила нас продинамить!

– Да пошел ты, ублюдок! – злобно выругалась девица. Шальные глаза... ширнуться успела, что ли? В Гарлеме уже открыто продают.

– Мэм, вы не хотите находиться с этими людьми?

– Пусть сначала бабло отдаст! Мы ей сто баксов заплатили!

– И сто за моральный ущерб, – поддакнул еще один негр. На футболке у него было написано «Райкерс» – на Райкерс-айленд находится нью-йоркский следственный изолятор.

– Так, парни, отпустите девушку и валите отсюда, пока у меня не возникло желание проверить ваши карманы.

– Ты что-то сказал, снежок? – насмешливо спросил один из негров. – Вали лучше сам, да по-скорому. Это наши дела!

Лейтенант достал из кобуры «кольт», который выдали ему два дня назад.

– А ну-ка руки на стену! Мэм, идите сюда, эти парни ничего вам не сделают.

Выругавшись, один из негров отступил, девица направилась к лейтенанту. Он даже не понял, что произошло, – она была уже совсем рядом и вдруг резко выбросила руку вперед. Что-то коротко треснуло – и лейтенант упал на асфальт.

Четверо негров – трое мужчин и женщина, трое – с богатым уголовным прошлым – умерли быстро и безболезненно, почти разом. У них был всего один «Сэтиди Найт Спешиа», револьвер двадцать второго калибра, чтобы прикрывать кассира², этого хватало, чтобы вершить серьезные дела – нет. У Стручка – его так называли, потому что он имел стручок длиной десять дюймов и в зоне обожал петушить белых, – возникла гениальная идея напасть на патруль Национальной гвардии, разжиться бронемашинной, автоматами, пистолетами, бронежилетами, может, и пулеметом. Потом – либо ломануть какой-нибудь банк, или депозитное хранилище, или нагрянуть в одно место, где итальянская мафия хранит неотмытую наличку. Проблема была только в одном – с револьвером двадцать второго калибра отобрать бронемашину и автоматы у национальных гвардейцев – что-то из области фантастики. Тогда они придумали, как

² **Кассир** – лицо, торгующее наркотиками на улице. Чтобы не попасться, делают так: наркотики, уже расфасованные, кладут в мусорный бак, возле него обычно сажают торчка с бритвой или пистолетом. Еще один – он и есть кассир – тусуется неподалеку. Кассир принимает деньги, подает знак тому, кто контролирует мусорный бак, – сколько куплено. Если нагрянет полиция, они изымут наркотики, но ни к кому их привязать не удастся.

все проверить чисто – прикинуться, что они собираются изнасиловать бабу, подманить патруль нацгвардейцев, а в нужный момент спасаемая баба подойдет к ним и начнет стрелять. От спасаемого обычно такой подянки не ждут.

Оставалось найти бабу. Ей стала Алишия, двое из банды ее трахали, а третий нет, потому что это была его сеструха. Биография у нее была типичная для Гарлема – ребенок в четырнадцать лет, еще один в восемнадцать, обоих – в государственный детский дом, несколько приводов за проституцию, мелкие кражи, пристаивание к мужчинам. В последнее время начала ширяться. От белых она ничего хорошего не видела, людей ненавидела и с радостью согласилась помочь. И все вроде бы шло нормально – вот только они не знали, что на улице заняла позицию группа боевых пловцов, оценивающая обстановку и ищущая контактов с местным сопротивлением. Пошедший поссать Уилл был уже надежно упакован, но им нужно было еще взять как минимум одного, чтобы начать активно действовать. Но эти двое – вместо того, чтобы искать пропавшего товарища, увидели каких-то негров и решили с ними разобраться, не зная, что за всем за этим внимательно наблюдает снайпер. Снайпер этот был армейским, точнее флотским, а не полицейским, поэтому он с правилами применения оружия против преступников не был знаком и соблюдать их не собирался. Как только он увидел, что баба почти в упор выстрелила в стоящего рядом гвардейца, который был командиром патруля, и начала стрелять во второго, снайпер выстрелил, и мозги негритянки брызнули во все стороны. Негры, как и было условлено, ринулись вперед, они должны были вооружиться автоматическими винтовками, и как можно скорее. Но стоило им только прикоснуться к оружию, как они автоматически перешли из разряда «цели» в разряд «цели, представляющую угрозу». И в пару секунд умерли и они...

Лейтенант пришел в себя уже в машине, он лежал поперек сиденья, и неизвестный ему человек в североамериканской военной форме, сняв с него бронежилет, осматривал его.

– Черт... что происходит... какого хрена?

– Небольшое ранение. Пуля пробила кевлар, но дальше не пошла, она сидит под кожей. Я собираюсь ее вынуть, вы готовы?

Лейтенант стиснул зубы.

– Готов... черт...

Фельдшер прыснул на место ранения специальным составом, используемым для быстрой обработки ран, боль не прекратилась, но стала тупой и ноющей.

– Этого пока хватит, но нужно показаться врачу в течение двенадцати часов.

– Спасибо... Док...

Неизвестный фельдшер помог ему принять нормальное положение на сиденье.

– А вы кто? Мы тут дежури́м... но здесь, кроме нас, никого нет. Вы из первой дивизии?

– Не совсем. Видите ли, лейтенант... мы хотим вам помочь. Но для этого нам нужна связь с вашим командованием. И как можно скорее, времени почти не осталось.

– А мы – это кто? – осторожно спросил лейтенант, боясь пошевелиться, чтобы не обострилась боль.

– Мы – это мы, лейтенант. Те, кто вам уже помог. Верно? Вот частоты и время выхода на связь. А вот – диск, на нем – процедура выхода и коды дешифровки.

Немцы, наверное...

26 июня 2012 года Где-то в Нью-Йорке

Один из штабов обороны города находился не на одной из станций нью-йоркского метро, как считали британцы. Он находился ниже, в малоизвестных и толком не картографированных уровнях нью-йоркских подземелий на объекте, который был построен в конце сороковых как местное ядерное убежище для высокопоставленных гражданских лиц, таких, как губернатор и мэр города. Тогда атомную бомбу только изобрели, и по всему миру шла ядерная истерия в связи с возможным ее применением. Потом, годах в шестидесятых, ядерная истерия сменилась манифестом свободной любви, и убежище законсервировали. Расконсервировать его пришлось сейчас и в крайне неприятных обстоятельствах.

В убежище, защищенном даже от бомбы весом в две тонны, горел свет, запитанный от внутреннего генератора. Несколько десятков терминалов были расставлены где попало: на лежаках, на спешно подставленных ящиках – и на них работали люди. Чуть в стороне было что-то вроде полевого штаба, несколько столов, где сейчас разбирались с лейтенантом Национальной гвардии, явившимся с историей, которая изрядно удивила всех.

Сейчас с лейтенантом разбирался майор Хаузер, который два года назад работал на должности G2, специалиста по разведке в штабе четвертого батальона тридцать первого полка десятой горной дивизии, находившейся в северной Мексике. В спешно созданном штабе сопротивления он занимал должность начальника разведки.

– Итак, с самого начала, лейтенант. Вы увидели подозрительных ниггеров и решили с ними разобраться, так?

– Афроамериканцев, сэр.

Майор отрицательно покачал головой.

– Ниггеров, парень. Вся эта политкорректность, вкупе с толерантностью, довела нас до того, что мы прячемся под землей, как кроты, в то время как наши отцы и деды валялись на пляже, попивали текилу и трахали мексиканских девок по десять долларов за штуку. Так что ты увидел ниггеров, парень, и что было потом?

– Я подумал, что эти ниггеры собираются изнасиловать девку, тоже черную, и сказал ей, чтобы она подошла ко мне. А этих парней я собирался досмотреть, но в это время девка выхватила пистолет и начала палить...

– Хороший урок, парень. Ниггеры есть ниггеры, и их проблемы – это их проблемы, пока они не касаются нас.

Три командировки в зону боевых действий быстро излечивают от толерантности. Многие из тех, кто вернулся с той стороны реки Рио-Гранде, быстро забыли о том, что все люди братья, стали бэрчистами, белыми экстремистами или вступили в Клан.

– Да, сэр. Потом эти ниггеры бросились на меня... а мне совсем плохо было, сэр. А потом я пришел в себя уже в машине, а эти парни... один перевязывал меня... в общем, а ниггеры эти все мертвые были, сэр.

– Мертвые, лейтенант?

– Так точно, сэр. Мертвые – и я не знал, что произошло. Просто вижу – они лежат, и кровищи море.

– Ты не слышал стрельбы?

– Нет, сэр.

– А тот парень, который тебя перевязывал, он как выглядел?

– Как обычный парень, сэр. В нашей форме.

– Знаки различия заметил?

– Так точно, сэр. Большая красная первая. Погоны первого лейтенанта, полевые.
– Награды?
– Никаких, сэр. Но вы же знаете, многие не носят...
– Знаю. И этот парень сказал, что они хотят помочь, да?
– Да, сэр.
– А как он это сказал?
– Ну... я спросил, откуда они, назвал большую красную первую. Он сказал, что они не оттуда, но хотят нам помочь. И оставил коды для связи, диск.
– А этот парень... ты не заметил ничего подозрительного?
– То есть, сэр?
– Ну, к примеру, форма надета... больше по размеру, чем надо, или меньше... как будто чужая, понимаешь? Мешком висит. Или следы на ней... К примеру, что-то усиленно пытались замыть, но все равно видно.
– Нет, сэр... на нем форма как влитая сидела... только акцент...
– Какой акцент, лейтенант.
– Не знаю, сэр. Грубоватый, отрывистый такой. Но не английский, это точно, я фильмы смотрел...

– Разрешите, сэр!
Бригадный генерал Алистер Бэббидж поднял глаза от терминала связи.
– Майор, теперь у нас нет дверей, и можно входить без стука.
– Так точно, сэр.
– Что у вас?
– Сэр, я поговорил с лейтенантом, выходявшим на контакт с неизвестной группой в десятом районе.
– И? Ваше мнение?!

– Это САС, сэр. Или что-то в этом роде. Специальный отряд британских коммандос. Они пытаются провернуть стандартную операцию. Идентификация и уничтожение.
– Британцы? Неужели они думают, что мы будем выходить на связь из главного штаба?
– Возможно, и думают, сэр. А возможно, они пытаются внедрить к нам своих людей, чтобы поставить маяки и навести авиаудар. Или просто провести операцию по идентификации и уничтожению штаба силами небольшой группы коммандос, у Британии едва ли не лучшие специальные войска в мире, и они намереваются воспользоваться этим. Через несколько суток мы будем отрезаны, сэр, и рано или поздно они захотят заняться нами всерьез.
– А как насчет того, что лейтенант прямо отрицает то, что это были англичане? Может быть, это русские? Или немцы? Может, они реально хотят нам помочь?
– Не стал бы на это рассчитывать, сэр. Британцы хорошо умеют маскироваться под кого-то другого. А те же русские и немцы... какой им смысл помогать нам, сэр?
– Имеет смысл, майор. Имеет.
Бэббидж закрыл терминал, отключил его от сети.
– Только что со мной на связь вышел полковник Вулби. Он командует позиционным районом Омега Браво. В его район вышел человек. Русский. Он предлагает переговоры от имени русского императора.
– Это несерьезно, сэр. Провокация.
– Человек, который работает с Вулби, подтвердил его личность. И я намерен встретиться с этим человеком. Прямо сейчас.
– Это риск.
– Боюсь, у нас нет другого выхода. Когда корабль утонул, хватаешься за любую соломинку, чтобы выплыть...

25 июня 2012 года

Восемьдесят первая дорога

Передвижение по стране, в которой введено чрезвычайное положение и началась война, – задача не из легких. Но русские... некоторые в шутку говорят, что русские, как тараканы, выживут и при ядерном взрыве. Должен был попытаться выжить и я – и уже без шуток.

Мои преимущества: наличие спецоружия, как нельзя лучше подходящего для войны, специальная подготовка, опыт подрывных действий, свободный английский, наличие денег и документы сотрудника Секретной Службы. Мои недостатки: ирландский акцент, который в нынешние времена может быть расценен неоднозначно, неполное знание окружающей обстановки, наличие задания, которое не дает мне действовать совершенно свободно, и реальная возможность попасть в руки англичан, которые сильно обрадуются такому вот гостю. Еще – я прекрасно подхожу под образ «шпиона», который рисует себе в уме среднестатистический обыватель. Все? Ах, нет, еще отсутствие нормального транспорта. Моя «Импала» – отличное транспортное средство на случай, если я захочу навестить свою тетушку на Западном побережье, но совершенно бесполезный сейчас, когда беженцами забиты все дороги. Вот теперь точно все.

Есть проблемы – будем решать их по порядку. Начнем с самой простой.

Выйдя из мотеля, уже через два часа я обзавелся другим транспортом – оставшаяся с Тегерана привычка носить в кармане большие суммы наличными сыграла свою положительную роль. За пикап – «Форд Ф350» с полным приводом и полуторной кабиной, производства конца восьмидесятых, простой и крепкий, как колун, я заплатил вдвое... меньше, чем было на ценнике. Дело в том, что в САСШ наблюдается не недостаток, а явный избыток автомобилей, и собирающемуся в изгнание торговцу поддержанными авто, который есть в каждом городишке, совершенно не улыбалось оставлять на произвол судьбы две ровные линейки авто на торговой площадке, огороженной сеткой-рабицей и засыпанной гравием. У купленного мною за наличные «Форда» было одно стратегическое преимущество, о котором торговец поддержанными машинами даже не подозревал. Двигатель у него был не «Форд», а «Камминс», маленький дизелек для легкого коммерческого транспорта, и он мог заправляться той же самой соляркой, что и военный транспорт, который весь на дизелях. Топливо уже сейчас кончается, а через пару дней его не будет вовсе. А вот у военных топлива хватает, если уж они свои бронированные монстры, сто на сто жрущие, заправляют, то мне, сирому и убогому, хоть что-то, да перепадет. Особенно – если хорошо попросить.

Пригнав новый пикап к номеру мотеля, я начал перекладывать вещи. Не совсем хорошо, кстати. Вот, к примеру, что FNP45, что FN SCAR не относятся к числу оружия, рекомендованного правительственными службам. Попадись мне на пути даже настоящий фэбээровец... да и просто сотрудник полиции... задержит до выяснения, и привет. А то и шлепнет как взыправдашнего шпиона.

Я – нет, я не взыправдашний. Шпионы в войнах не участвуют.

Когда грузил в пикап свой нехитрый скарб – ничего такого, что грузить в кузов, – не было, на заднее сиденье кину, и все, – вышел владелец мотеля. Это был не сетевой мотель, а семейный, владелец сам сидел, выдавал ключи, принимал деньги, следил за порядком. Крепкий такой дядька и хорошо вооруженный – M16A2 с подствольником, не гражданское оружие, с режимом автоматического огня. Впрочем – я мельком видел, когда ключи брал, – на стене офиса панно морской пехоты САСШ, таким обычно награждают особо отличившихся. Дядька был в строевой повседневной форме морской пехоты САСШ, еще не «цифровой», на груди

табличка – «Моррелл». Сразу чувствуется, что он эту форму не в супермаркете купил. Как это... мы с тобой одной крови, ты и я.

– Уезжаете, сэр?

– Точно.

– На север или на юг?

– На север. – Я мельком кинул взгляд на сиденье, там был пистолет, чтобы запомнить, где он лежит, и при необходимости быстро схватить.

– Многие уезжают на юг...

– У меня дела в другом направлении.

– Тогда удачи, сэр.

– И вам, сэр.

Дядька усмехнулся.

– Парень, а ведь ты никакой не агент Секретной Службы ни хрена, я это сразу понял. Но и не англичанин...

Я выпрямился. Так в САСШ в душу лезть было не принято, и джентльмен этот с оружием третьего класса нарушил мое личное пространство.

– И что с того, мистер Моррелл?

– Да ничего. Я тоже не собираюсь уезжать на юг.

Какое-то время мы смотрели друг другу в глаза, потом владелец мотеля, бывший морской пехотинец по фамилии Моррелл, отвернулся и пошел обратно к своему офису. Дай Бог и ему удачи...

Уже выезжая из мотеля на своем свежкупленном пикапе, я заметил прислоненную к стене офиса однозарядную M500 под патрон 12,7 – страшное оружие в умелых руках. Видимо, мистер Моррелл решил стоять за свой дом всерьез.

До Вашингтона из Нью-Йорка и обратно в мирное время добирались по девяносто пятой дороге, удобной и идущей по самому побережью, через Балтимор. Я направился на запад, чтобы выйти на восемьдесят первую дорогу, а потом свернуть на семьдесят восьмую. Сделал я это потому, что британцы могут захватить господство на море, а если они это сделают, то первым делом высадят десант на побережье и перережут девяносто пятую дорогу.

Вообще-то я не по самой дороге двигаться собираюсь, а по бездорожью, вот почему у меня пикап, а не «Импала». Но если где-то будет возможность, то и на дорогу выеду. Посмотрим, в общем...

Дорога была забита транспортом, но до Хагерстауна мне удалось доехать именно по дороге. Американцы очень уважают правила дорожного движения, и для них выехать на полосу встречного движения – что-то запредельное. Я ехал по левой, относительно свободной полосе дороги, а вот правая уже стояла, двигаясь рывками. Некоторые козлы бросали свои машины прямо на дороге, и вот из-за таких и были проблемы.

У Хагерстауна я увидел, что дальше не проехать. Заняты обе полосы дороги, все движение – на юго-запад. Едут все и кто на чем – начиная от старых микролитражек и заканчивая огромными моторхоумами, которые только место на дороге занимают. Пришлось съехать с дороги, ехать по фермерским и проселочным.

Машины с американцами, принявшими такое же решение, навстречу попадались, но их было на удивление немного. Причин было две. Первая – американцы привыкли ездить по навигатору так, что без него ехать просто боятся. Вторая – несмотря на то что американцы обожают внедорожники, «true 4X4» среди них очень мало. Чаще всего – это кастрированные внедорожники с приводом назад, без пониженной передачи и еще с автоматической коробкой. Выглядит грозно, «капитанская посадка» водителя, жрет топлива меньше и стоит дешевле – что еще надо. У меня же был «true 4X4» с понижающей передачей, полным приводом и еще

и stick – ручной коробкой передач. Поэтому продвигался по дурным дорогам мой Росинант более чем бодро.

У Гаррисберга, места, где произошло какое-то сражение (не могу припомнить какое), я нашел место с Wi-Fi, который работал: у каждого казавшегося мне приличным населенного пункта я останавливался и проверял, есть ли связь, потому что привык к Интернету и без свежей информации уже не мог. Сеть была частная, но у меня была специальная программа, и я вломился в нее самым наглым образом. Если останусь жив – пусть выпишут мне повестку в суд.

Новости не радовали.

Управление англоязычным Интернетом было явно перехвачено – новостей нормальных не было совсем, и сделали это явно по указке FEMA, играющей на стороне британцев. А вот на некоторых форумах – истории были, одна похлеще другой. Писать-то сейчас можно хоть с мобильного телефона – вот и пишут. Солдат из первой бронетанковой – что его командиры не подчинились приказу не оказывать сопротивление, и он не знает, что делать. Матрос палубной команды с авианосца – что по ним внезапно нанесли удар, и авианосец тяжело поврежден противокорабельными ракетами, он написал, что напали... конечно же, русские, а кто еще может напасть. Один очевидец написал, как разгромили с воздуха базу Эндрюс, бомбили капитально – прилагалось видео. На одном из русских форумов казаки объявили набор добровольцев бить британцев. Кстати, это не шутки – на Балканы в начале века ехали, до этого – бурам помогать. У меня такое ощущение, что британская армия здесь нарвется почище, чем тогда у буров. Тот же Моррелл с его автоматом третьего класса и винтовкой пятидесятого калибра...

Конкретно для меня сообщений не было. Я оставил сообщения в двух местах: на форуме, где можно скинуть информацию для русской разведки – в виде впечатлений очевидца. И для своих, для людей из Трианон-холдинга. Приказ спастись, хотя уверен, что и так спасаются... господи, что же сейчас в Мексике творится... там же бойня началась. И отдельно – координаты для связи всем, кто находится в Нью-Йорке и его окрестностях.

Мне надо было понять, что происходит. После этого выйти на контакт с лидерами сопротивления. Лучше военного, но можно и гражданского, неважно.

Но перед этим – надо сделать еще кое-что. Посмотреть на случившееся своими глазами...

25 июня 2012 года

Восемьдесят седьмая дорога

Вот здесь – уже была война...

Нью-Йорк я проехал мимо. Мне надо было попасть по возможности туда, где на арендованной вилле жила Моника Джелли, она же Государыня Императрица с наследником. Во что бы то ни стало надо было попасть, даже если эта территория под противником – все равно надо было постараться и попасть. Такое чрезвычайное происшествие, как нападение на конвой, перестрелка с человеческими жертвами, должно было привлечь внимание полиции, так же как и ФБР. Кто-то что-то должен был видеть, эти уроды должны были заранее присматривать место, готовиться, арендовать машины, снимать там комнаты. Я не исключаю и того, что кого-то из нападавших удалось взять полиции, и он может быть там, в камере.

Короче говоря – мне нужно было побывать на месте.

Сто семьдесят третью дорогу пришлось объезжать, и вот тут-то я впервые увидел горящую технику. Это была небольшая колонна, принадлежащая армии, а вернее – национальной гвардии. Несколько грузовиков и два «Хаммера», без воздушного прикрытия. Они шли не основной дорогой, но кто-то отследил их и жестоко расправился. Уверенность североамериканцев в том, что лучшее ПВО – это ВВС, начало обходиться дорого...

Настоящие проблемы начались за Катскиллом. Я ехал фермерской дорогой, когда услышал рокот винтов и что-то вроде фыркания, только намного громче. Сразу понял, что это – в Тегеране наслушался, хватило. Как назло – чисто поле, укатанная, гравийная дорога. Если у этих ублюдков останется боезапас...

Делать было нечего – рванул по дороге, точно зная, что любая дорога куда-то ведет, приведет и эта – туда, куда можно хоть как-то укрыться. Привела и эта – мой «Форд» милях на семидесяти в час бодро взлетел на гору и...

И тут я увидел фермерский дом, только фермеров там не было, а стояли два колесных бронетранспортера с крупнокалиберными пулеметами – это только то, что я видел, – и антенна, прямо над фермерским домом. Большая такая. Можно было бы развернуться и свалить, но... с обеих сторон дороги проклятые загороди, чтобы скот не травил посевы, а один бронетранспортер уже резко тронулся с места, разворачивая скорострельную пушку. Рассудив, что ускоритель калибра двадцать пять миллиметров³ мне совершенно ни к чему, я остановил машину, вышел. Поднял руки, в одной руке удостоверение... процедура чертовски неприятная, тем более для русского дворянина, но необходимая, сейчас развелось много парней, которые жмут на курок не задумываясь...

Бронетранспортер остановился, через задний люк вывалились несколько пехотинцев, стволы их автоматов были направлены на меня.

– Замри!

– Гражданский! Федеральный агент! Федеральный агент!

– Не двигайтесь, сэр!

Как я и опасался – с началом войны корочки гражданских ведомств стремительно девальвировались.

– Я федеральный агент! Федеральный агент!

– На колени!

– Парни, это федеральное преступление! Это федеральное преступление!

³ В нашем однополярном мире «Страйкеры» вооружены дистанционно управляемым пулеметом 12,7. В многополярном – это другая машина и вооружена она по-другому, для того чтобы иметь возможность противостоять бронетехнике противника.

В североамериканскую армию зачастую идут не лучшие представители североамериканского общества, и только крикнув «Федеральное преступление», я сообразил, что это может мне и боком выйти...

– Я федеральный агент! Мне нужно увидеть ваше командование! Где ваш командир?!

Один из пехотинцев, парень в очках и с полевыми погонами капрала, осторожно приблизился, чтобы рассмотреть удостоверение.

– Парни, североамериканское законодательство все еще действует, и война рано или поздно кончится. Не уверен, что вам хочется предстать перед судьей в Ливенуорте.

– Сэр, я не знаю, федеральный агент вы или нет, но у нас приказ задерживать всех подозрительных. Вы въехали в закрытую зону.

– Парень, меньше чем в миле отсюда я слышал вертолет и не уверен, что он наш. Помоему, надо сваливать отсюда!

Как я и предполагал, упоминание вертолета произвело большее впечатление, чем то, что я федеральный агент. Реакция почти мгновенная – быстрый взгляд в небо. Видимо, уже прохавали, что к чему.

– Парень, ты можешь надеть на меня наручники, хоть ты не имеешь на это никакого права, но давай уберемся отсюда, о'кей? И как можно быстрее.

Решение показалось капралу приемлемым, ему и самому хотелось как можно быстрее убраться отсюда.

– Сэр, руки вперед. Медленно.

Я сделал требуемое, и капрал затянул на моих руках одноразовые наручники – пластиковую ленту с замком.

– Не забудьте машину. Там мои документы.

– Не проблема, сэр. Гарри, давай садись в машину и поезжай за нами! Пошли, пошли, пошли, блин!

На бронетранспортере я доехал до расположения североамериканских войск, точнее – национальной гвардии, наверное. Кто-то, видимо, передал механику-водителю, что в районе наблюдается вертолет противника, и он гнал как сумасшедший, еще быстрее, чем я.

Приехали. Когда высаживались, я понял, почему водитель как можно быстрее старается доехать обратно. «Стингеры». Я увидел вскрытую упаковку «Стингеров» и двоих парней с устройствами в полной боевой готовности. На мой взгляд – не лучший способ обеспечить ПВО командного пункта, у нас такую функцию выполняет как минимум ЗРАК – зенитно-ракетный артиллерийский комплекс, но... в чужой огород да со своим уставом...

– У него оружие!

Я обернулся. Гарри, который вел мою машину, вылезал из-за руля со счастливым видом и автоматом в руке. Нашел-таки.

– Конечно, оружие, я что, идиот, чтобы ездить без оружия?! Отведите меня к своему командиру, прямо сейчас!

Командиром был человек по фамилии Лерой, это было вышито у него на табличке с именем. Среднего роста, крепкий, неприметный, в полевой форме, с оружием – не пистолет, а автомат, как у полевого офицера.

– Что вы здесь делаете, мистер...

Я решил не лгать. Цена раскрытой лжи в это время может быть крайне высока.

– Князь Александр Воронцов.

Лерой, майор, судя по знакам различия, посмотрел на меня уже с интересом.

– В удостоверении у вас написано другое имя.

– Конечно, другое. Я оперативный сотрудник СРС. Это мой псевдоним прикрытия.

Лерой бросил документ на стол, спросил прямо:

– Парень, что мне мешает расстрелять тебя прямо сейчас за шпионаж?

– То, что вы пока еще не банда, а часть североамериканской армии. И подчиняетесь закону. Служили в Силах стабилизации?

По глазам вижу – заинтересовался.

– И что?

– То, что мы коллеги в таком случае. В Мексике я прикрывался легендой частного конструктора. «Трианонт Секьюрити» – слышали про такую фирму?

Лерой задумался. Потом взял со стола рацию, сказал в нее несколько слов.

– Сейчас разберемся. Про вертолет – правду сказал или лапши навешал?

– Правду. Чистую.

Кто-то вошел, стукнул перед этим в дверь.

– Каспар, посмотри на этого парня и скажи: видел когда-нибудь раньше?

Я медленно повернулся. На меня с любопытством смотрел рыжий, средних лет нацгвардеец.

– Да, сэр. Я помню этого парня, – сказал он. Я украдкой выдохнул – есть.

– Где ты его видел?

– В Мехико, сэр. Он постоянно приезжал в посольство, поднимался на последний этаж. Я его видел с парнями из говно-конторы⁴.

– Хорошо. Иди.

Когда нацгвардеец вышел, Лерой достал нож, перерезал пластиковую ленту наручников.

– Не знаю, кто ты есть на самом деле, парень, но скажу сразу: тебе я не доверяю и любимым, таким как ты, – тоже. Если есть возможность что-то облажать – вы облажаете.

– Сэр, мне не нужно ваше доверие. Я просто ехал мимо.

– И куда же вы ехали, мистер, позвольте спросить? Там же кузены.

– На карте можно взглянуть? Мне не нужна ваша карта, достаточно гражданской.

Лерой мрачно посмотрел на меня, но достал карту для охотников и рыболовов, провел по ней карандашом.

– Кузены дошли вот до этой линии, но информация могла и устареть.

– Зачем же вы пользуетесь устаревшей информацией? Я полезный член общества – дайте мне частоту, позывной, я поеду вперед и буду снабжать вас самой последней информацией по мере возможностей. Если кузены, конечно, не грохнут. Но вы напишите мне бумагу, что я действую по вашему приказу.

Путь я продолжил с бумагой, где было написано, что я выполняю задачи, поставленные армией САСШ. Бумага хорошая, если, конечно, не попасть с ней на ту сторону фронта. Проехав километров десять – я вышел на связь, опознал, доложил, что пока все чисто. Справа от меня – в поле горел североамериканский транспортный вертолет...

Неприятности, как и всегда, начались внезапно. Снова – то самое зловещее шуршание, низкочастотный гул на грани восприятия. Вертолеты...

На сей раз рядом со мной было поле, высокая кукуруза могла скрыть и меня, и моего двойника, вставшего на мои плечи. Не раздумывая, я остановил машину, сиганул туда, не забыв захватить автомат...

Два вертолета – транспортные, «Бристоль Вестминстер», прикрываемые двумя тяжело-вооруженными «Шершнями», прошли мимо, направляясь как раз туда, откуда я приехал. Мою машину они не могли не видеть, но ничего не сделали, не попытались, ради смеха, садануть очередь. Значит, у них впереди какое-то дело, и дело безотлагательное.

⁴ Наверное, СРС. Почему-то в любой стране мира у армии и разведки всегда найдутся взаимные претензии.

Я вернулся к машине, настроил связь.

– Койот-четыре, Рейвен на связи, идентификация – белое поле...

Именно здесь я стал впервые использовать позывной «Рейвен», просто переведя свою фамилию на английский язык.

– Рейвен, Койот-четыре на приеме.

– Койот-четыре, два шитхука, две громовые птички⁵ прошли направлением на тебя, прием.

– Рейвен, два шитхука, две громовые птицы – принял.

– Койот-четыре, на вашем месте я бы воспринял это всерьез, эти ублюдки выглядели более чем серьезно.

– Рейвен, принято.

В голосе плохо скрываемое раздражение – так и не въехали. Их дело.

– Койот-четыре, прямого контакта с противником нет.

– Рейвен, вас понял. Конец связи.

Постоял, посмотрел на поднимающиеся на севере дымы. Решил, если у кого ума нет, то не мне его вкладывать...

Дальше продвинуться удалось немного. Мост у Кингстона был взорван, транспорта на дороге полно, горящая техника – тоже имеется. Но самое главное – я увидел трехосные бронетранспортеры с пушками и понял, что это – британцы. И пора сматываться...

Не вышло.

Развернул машину и драпанул что есть мочи, прикинул – хватит ли мне топлива вернуться в Нью-Йорк. Должно хватить, дизель – он жрет мало, даже если по бездорожью едешь, а потом разберемся что к чему.

Только это подумал – снова пришлось спасаться в кукурузе. На сей раз «Вестминстеров» было несколько и без прикрытия ударных вертолетов. Это могло означать лишь то, что британцы завоевали господство в воздухе и вертолетов противника не боятся. Не правильно – а что бы им и не завоевать, если у противника самые боеспособные подразделения находятся в других странах, намного южнее. Это у нас – в локальных конфликтах основную тяжесть операции выносят на себе казаки, а профессионалы, если и задействуются, то на самом начальном этапе. Когда я покидал Персию – вывод спецвойск уже начинался, усиливалась морская компонента – флотский спецназ, действующий с авианосцев и десантных кораблей, и казаки. А тут...

И граница ни хрена не прикрыта.

Можно было бы, конечно, объехать, но... совесть, что ли, грызла? Сломал забор, заехал на своем «Форде» напрямик в кукурузу. Автомат, пистолет – все при мне, разгрузку надел, все, что нужно, разложил, двинулся. По дороге сорвал початок, попробовал – не то еще...

Столб черного дыма подсказал мне – так и есть! На коленях подполз к забору, выглянул – благо здесь далеко видно. Один из «Вестминстеров» стоит подбитый, но посадку сумел совершить. Чуть дальше от дома – горит один из «Страйкеров», подбитых ракетой с воздуха. Второй неизвестно где, дом поврежден, антенна обрушена и лежит, везде солдаты – чужие солдаты. Следы боя – поливали с воздуха из автоматических пушек и бортовых пулеметов. Потом высадили десант...

Господи, что за идиоты. Как так вообще можно – держать человека много лет в запасе, пару раз в десятилетие призывать на военные сборы, потом, как припрет, вручить автомат и думать, что он знает, что с ним делать. Ежу понятно, что система должна быть не двухступенчатая: армия – резерв, а трех: армия – казаки – резерв. При массированном нападении сразу

⁵ Шитхук – транспортный вертолет, средний или тяжелый. Громовая птичка – штурмовик, самолет или вертолет.

начинает действовать армия, от Д+1⁶ до Д+7 – казаки и от Д+30 до Д+60 – резервисты, которые выдвигаются на фронт, только пройдя курс боевого слаживания в глубине страны. Представляю, что было бы, если бы мы бросили необстрелянных резервистов на Польшу или того хуже – на Восток. Нас бы потом до седьмого колена прокляли и на могилы плюнули. И правильно бы сделали!

Метка прицела легла на одного из британцев, который мне показался офицером. Нажать на спуск – и я открою счет, хоть винтовка короткая совсем – попаду. Вот только потом – черт его знает, что делать.

Нет, надо возвращаться. Правильно нас учили – никогда не принимай бой на чужих правилах, навязывая свои, а если не можешь – уклоняйся от боя. Бой выигрывают не на ура, а трезвым и холодным расчетом.

Начал отползать назад, почувствовал, что справа есть кто-то живой...

– Кто здесь?! Стреляю на поражение!

Шуршание. Какое-то сопение.

– Не стреляйте! Не стреляйте!

Голос был знакомым. Так и есть – тот самый капрал, который меня задерживал. Где-то прихватил пулемет – уже молодец. Глаза растерянные. Глаза гражданского человека, попавшего в дерьмо.

– Где твои люди, капрал?

– Никого нет, сэр...

– Как ты вообще в Национальную гвардию-то попал? – задал я вопрос, когда мы пробились к пикапу. Задал вполголоса, потому что злить судьбу не стоит.

– Так и попал. За дом надо было выплачивать, не захочешь – а придется.

– А на гражданке кем был?

– Менеджером, сэр. Продавал бытовую технику.

Вот таких и бросили навстречу канадским территориалам и британскому спецназу. И обвинять-то его глупо – его же никто толком и не учил.

– Пулемет не бросай. Он нам приходится...

– Да, сэр.

– Еще кто-то выжил?

– Не знаю, сэр. Мы позиции заняли, ракетчики залп дали, но эти... я не знаю, что произошло. Не знаю...

Пикап стоял на месте – и то дело. Завел, включил пониженную передачу...

– Садись.

Опорный пункт, разгромленный британскими десантниками, мы объехали прямо по кукурузному полю, это было самое безопасное, чем искать какой-то другой путь. Выскочили на фермерскую дорогу – вот ее-то я знал, за тем пригорком меня и задержали эти. Даванул на газ, как будто черти за мной гнались...

Первые части североамериканской армии мы нашли в районе Нью Виндзора, там был мост, и он был пока цел. Я уже понял, как наступают британцы. Первое – захват господства в воздухе, они, давая авианосные группировки противника, наносят удары по аэродромам, всеми силами стараются очистить небо от североамериканских самолетов. Дальше – ввиду того, что сил у них не так-то и много – они применяют тактику продвижения «прыжками». Разведка целей, потом подавление их артиллерией или с воздуха, потом пехота садится на вертолеты и продвигается вперед, километров на десять-пятнадцать, занимает наиболее выгодные в так-

⁶ Д – день мобилизации.

тическом отношении пункты. Только потом вперед идут моторизованные части. На подавление узлов сопротивления время никто не тратит. Североамериканские части уже деморализованы, без нормального командования, без понимания того, что происходит. Власти в стране нет... работает доктрина фельдмаршала Лотиана в полный рост, война начинается внезапно, без объявления войны с удара по штабам и масштабных операций по дезинформации и деморализации. Только одно не могу понять: кто и с какого перепою в Британии решил, что они смогут вернуть себе свои бывшие колонии?

Арестовали нас почти сразу же... можно, конечно, сказать, что мы сдались, почти одно и то же было бы. Со связанными пластиковыми наручниками руками, я сидел больше часа в «Хаммере», стоявшем рядом с командным центром, и ждал, пока британцы засекут работу передатчиков и нанесут ракетно-бомбовый удар, на чем и закончится моя жизнь и жизнь нескольких десятков североамериканских солдат, которые получили оружие несколько дней назад и которым даже не сказали толком – с кем им придется воевать. Но британцы удара почему-то не нанесли, и двое парней, форма на которых на одном висела мешком, а на другом чуть не трескалась по швам, проводили меня в человеку по имени Вулби. По крайней мере, именно это было вышито черными нитками на его табличке с именем.

Вулби был из числа самых угнетенных граждан Америки – белый мужчина от сорока до пятидесяти, нормальной ориентации и голосующий за республиканцев. Если снять с него военную форму, то его можно было бы обрядить в любую, от формы полицейского до комбинезона строительного рабочего, и он бы выглядел в ней так, как будто в ней и родился. Он сидел за столом, а на столе лежали карта, пистолет и стояла чашка с кофе.

– Ваше имя, сэр? – негромко и внешне безразлично спросил он. – Только не врать.

– Князь Александр Воронцов, вице-адмирал Флота Его Императорского Величества Николая Третьего в отставке, потомственный дворянин.

Вулби кивнул, как будто именно это и хотел услышать.

– Как вы оказались в Соединенных Штатах, сэр? Застрали в Норфолке и решили выбираться самостоятельно?

– Никак нет, сэр. Я живу здесь уже восемь лет. У меня есть грин-кард.

– Вы представлялись сотрудником Секретной Службы.

– Это не так. Я выполнял и продолжаю выполнять особое задание, суть которого не имею права раскрывать.

– Кем дано это задание? Нашим правительством?

– Никак нет, Его Императорским Величеством Николаем Третьим.

Рука Вулби, на форме которого красовались полковничьи погоны, замерла над картой, словно раздумывая, что выбрать – кофе или пистолет. Выбрала все же кофе.

– Вас задержали в зоне боевых действий, при вас обнаружили спецоружие, фальшивые документы, значительную сумму денег. Долгие годы меня учили воевать против вас. Что мешает мне расстрелять вас за шпионаж. Или повесить?

– Закон и здравый смысл, сэр.

Полковник посмотрел на меня с интересом впервые за все время нашего разговора.

– Не могли бы вы разъяснить подробнее?

– Охотно. Живя здесь, я пришел к выводу, что североамериканцы уважают закон, как ничего другое в жизни, и я надеюсь, что мой вывод справедлив. Закон гласит, что никто не может быть судим и расстрелян без доказательств вины и справедливого суда, – я же не сделал ничего плохого, и у вас нет никаких доказательств, свидетельствующих о моей вине. Что же касается моей работы на иностранное государство, то это не преступление, и я как раз ехал

в Вашингтон, чтобы надлежащим образом подать сообщение о том генеральному атторнею САСШ⁷.

– Советую поторопиться, пока министерство юстиции не снесло с лица земли бомбовым ударом.

– Непременно, сэр. Если же взять соображения здравого смысла, то полагаю, было бы глупостью задерживать лицо нейтральной страны, великой державы, в то время как вы ведете войну. У вас уже хватает проблем с Великобританией, а если вы расстреляете меня, вполне возможно, вы станете ответственным за вступление в войну России, причем не на вашей стороне, джентльмены.

Полковник Вулби покачал головой.

– Ваш язык, сэр, делает честь любому адвокату.

– Увы, у меня нет юридического образования. Здесь я зарабатывал на жизнь тем, что создал бизнес по продаже оружия и предоставлению охранных услуг в Мексике и в других кризисных регионах. Если вы свяжетесь с командованием, полагаю, там найдутся люди, которые слышали обо мне и о моей деятельности. Вы можете навести обо мне справки и в Секретной разведывательной службе, мою личность могут подтвердить и там.

– И ваш акцент слишком напоминает мне того полицейского, который обожал штрафовать меня, когда мне было двадцать и у меня был «Мустанг».

– Сэр, в Великобритании я приговорен к смерти. Для того чтобы убедиться в этом, вам достаточно выдать меня. Подданство и должность в оккупационной администрации получите сразу, одним из первых.

Полковник помолчал, переваривая сказанное и раздумывая, как поступить. Я знал, что он думает. У него хватало проблем и без подозрительного русского, который представился званием намного выше, чем было у него. И он не хотел принимать никакое решение, но обязан был его принять, потому что в ситуации войны – он и царь и бог в отношении всех, кто находится на расстоянии выстрела его солдат.

– Куда вы направлялись, сэр?

– В Вашингтон.

– С какими намерениями?

– Встретиться с кем-то, кто может организовать оборону этой страны. Россия не может допустить воссоединения метрополии и колоний. Нет, сэр. Не может.

– Мы идем в Нью-Йорк. Скоро взорвут мост, и мы отступаем. Но в Нью-Йорке будет полномочное командование.

– В таком случае, сэр, мне надо в Нью-Йорк.

– По дороге нас могут убить.

– Сэр, за мою жизнь меня могли убить не меньше десяти раз. Мне не привыкать.

Полковник кивнул.

– Брейвс!

Стукнула дверь.

– Развяжите его. И не спускайте с него глаз. Он пойдет с нами.

Полковник Даррелл Вулби погибнет ровно через десять дней – рейдовая группа британской САС наткнется на замаскированный командный пункт в развалинах многоэтажной автостоянки. Его так там и похоронят – вместе с остальными, потому что иначе было нельзя. Командование остатками полка и сектором обороны придется принять мне.

⁷ Это, конечно же, шутка, причем шутка на грани фола. В САСШ лицо, работающее на иностранное государство, обязано уведомить об этом министерство юстиции САСШ, иначе это будет считаться шпионажем и соответственно наказываться.

Настоящее...

Ночь на 11 июля 2012 года

Нью-Йорк

- Какого черта ты тут делаешь, сукин ты сын?
- Грей набычился – типично по-британски.
- Могу спросить то же самое у тебя. Я-то воюю со своими, мне можно, а вот ты с кем?
- Я с врагами.
- Вот как?
- Эй, парни, вы что, знакомы? – с любопытством спросил полковник Уилкинс.
- Да, сэр, – ответил Грей, – я знаю этого русского засранца, хотя лучше бы не знать. Хотя он в свое время спас мою задницу.
- Тот факт, что меня контузило, не помешает мне набить тебе морду.
- Полковник хлопнул в ладоши.
- Все, джентльмены. Думаю, вам есть о чем поговорить. Двадцать минут, не больше. Потом надо будет уходить отсюда.
- Мы отошли в сторону, сели на снарядный ящик – точнее, не снарядный, а из-под винтов. Крепко, до хруста костей обнялись.
- Ты какого хрена меня не нашел? А?
- Пожить еще хотелось. А рядом с тобой – жить можно, только недолго.
- Да брось. Ты где сейчас?
- Сейчас? Здесь.
- А до этого?
- До того, как началось? Копом.
- Копом? – заинтересовался я.
- Точно. Оформили документы... ты же помнишь, что было.
- Помню. Спросили: чем я хочу заниматься. На выбор – парикмахерская, лавка и какая-то хрень с ремонтом машин. Я спросил – нельзя ли копом? Они в голове почесали, сказал – вперед.
- А где ты был копом?
- Водная полиция. Здесь.
- Черт, ты же ненавидишь водоплавающих.
- Решил равняться на тебя. А ты что тут делаешь?
- Ищу кое-кого, – ушел от прямого ответа я.
- Могу помочь?
- Я внимательно посмотрел на своего старого друга.
- Вот так – сразу?
- А что. Мне все равно сейчас деваться некуда. Я тут сталкером, знаешь, что это такое?
- Свой среди чужих?
- Точно. Я знаю, как вести себя, чтобы быть англичанином. Что говорить, как двигаться. Что будут делать они. Черт, я и есть англичанин.
- Я пожалел Грея. Врагу не пожелаешь.
- Зачем тебе это? Они же...
- Про Родину навернуть хочешь?
- Про нее самую.
- Помнишь, что ты говорил тогда, на авианосце.
- Да брось.

– Да не брошу, – Грей внимательно посмотрел на меня, – знаешь, констебль Кросс. Ты четыре года прожил среди нас. Скажи – англичане нормальные люди?

Ничего себе вопрос.

– Люди как люди.

– Вот именно. Люди как люди. Среди нас есть всякие люди, но так мы – люди как люди. Мы просто живем на своем острове, у нас есть и другие земли. Но вот эта вся фигня, – Грей обвел вокруг рукой, – она не нужна никому, кроме тех, кто совсем свихнулся от власти. Я не знаю, как это объяснить, но я все это г...о вижу. Я вижу, что мои собраты пришли сюда непрошенными и стали убивать. Никому из тех, кого я знал в Великобритании, это не нужно. Понимаешь, вот никому не нужно, чтобы мы перешли океан и начали убивать американцев. Ну устроим мы здесь колонию, а дальше что?

– Это ты мне скажи.

– А дальше – ни хрена! Понимаешь, ни хрена! Мы возьмем на себя проблемы и будем вынуждены с ними разбираться. Мы вынуждены будем что-то делать с Мексикой, с Латинской Америкой – иначе пчелы, которые полетят оттуда, чертовски больно изжалят нас. Мы имели по эту сторону океана друзей, а приобрели себе кровных врагов. Скажи, кому и на кой черт это было нужно, а?

– Не знаю.

– Но точно – не булочнику Джону и молочнице Мэри.

– Я с тобой не согласен. Моя страна всегда права, потому что это моя страна.

– Тогда почему ты воюешь здесь? И хорошо воюешь – это ведь ты командер Рейвен. Я слышал перехваты.

– Великобритания – враг моего государства. Британский монарх – враг моего Императора. Британцы – враги моего народа. Враг моего врага – мой друг.

– Это ты ошибаешься.

– В чем?

– Британский народ – не враг русским.

– Черт, расскажи это кому-нибудь другому.

– Британский народ – не враг русским, – упорно повторил Грей.

– Тогда почему вы не сбросите эту вашу проклятую династию, которая так и норовит подложить нам свинью, да побольше?

– Черт, Кросс, ты же знаешь, как мы уважаем традиции.

И мы расхохотались – без зла друг на друга.

Что же сказать... Правду? А какую?

– Грей?

– Ну? – Грей торопливо набивал патронами свои магазины к винтовке.

– Хочешь помочь?

– Смотря в чем.

– Помочь мне. В одном хорошем деле. Нужно спасти одну принцессу, понимаешь?

– Ту, у которой есть ребенок? – внимательно посмотрел на меня Грей.

– Да. Ту, у которой есть ребенок.

Какое-то время Грей раздумывал – мне надо было предполагать, что он догадается. Дело нашумевшее, хотя раскрутиться во всю силу ему не дали происходящие сейчас события. Не было газетной шумихи, спецвыпусков новостей, потому что началась война. А вот Грей как полицейский мог успеть получить сводку.

Грей протянул руку.

– Я с тобой. Черт возьми, если миссия рыцаря заключается не в том, чтобы спасти принцесс, то на кой черт нужны рыцари?

- Ты понимаешь, что у нас есть приличный шанс не вернуться?
- Да нет. Вдвоем – пройдем. Англичане даже не представляют, что такое местное метро. Придем – и выйдем, я хорошо знаю подземный Нью-Йорк.
- Твои бы слова...

Метро Ночь на 11 июля 2012 года Нью-Йорк

– Удачи, сэр. – Я пожал полковнику руку, они собирались идти по тоннелям метро на выход из города, нам же с Греем было совсем в другую сторону.

– Удачи, парни. Черт, вы возвращаете мне веру в человечество.

– Человечество не такое уж и плохое, полковник. Дурны отдельные его представители. Выводите людей. А мы сыграем последнюю гастроль.

Последняя гастроль...

Два человека, пулемет и автоматическая винтовка. Приборы ночного видения, разгрузочные жилеты, рюкзаки на три дня, но вместо провизии там, в основном, патроны. Грей вооружился ручным пулеметом, все остальные ушли с основной группой, потому что нам больше никто не нужен. Если не пройдем мы двое – не пройдет никто, крупная группа – это всего лишь большая группа целей на улице. Там, куда мы идем, организованного сопротивления уже нет, армия отошла, есть только окруженцы и отдельные группы патриотов, поклявшихся умереть, но не пропустить врага.

– Рассказывай, что у тебя на уме? – сказал Грей, когда мы отошли достаточно далеко и тьма, поселившаяся в тоннелях метро, поглотила нас целиком.

– Смотри, что произошло. Похищены люди, женщина и ребенок. Для ФБР – это первоочередное мероприятие, причем статус похищенных дает возможность говорить о нем, как о втором деле Линдберга⁸. Для ФБР раскрытие дела о похищении дает возможность раскрывшему примерять в будущем на себя должность заместителя директора ФБР. Офис ФБР в Нью-Йорке располагается на двадцать шестой, на Федерал-Плаза. Ты когда-нибудь там бывал?

– Нет, – ответил Грей из темноты.

– А я бывал. И не раз. Так вот, все это дело с похищением – понятно, что его устроили британцы. Но они вряд ли смогли нормально зачистить концы. Когда речь идет о преступлениях, государственные службы и государственные служащие проявляют удивительную неповоротливость. Они должны были как-то вывезти похищенных, я подозреваю, что они вывозили их в спешке и с большими помарками – ведь они знали, что будет потом. Поэтому я думаю, что мы найдем какие-то ответы в здании ФБР на Федерал-Плаза.

Грей присвистнул.

– Ты что, собираешься лезть наверх?

– Нет. Это надо было сделать с самого начала, я допустил большую ошибку, ожидая информации со стороны. Я знаю, что внизу находится сервер. Точнее, серверы. В том числе и базовый сервер отделения ФБР, здание так построено. Связи сейчас нет, но я хочу подключиться к нему напрямую и перебрать информацию.

– И у тебя есть с чего подключиться?

– Точно.

– А дальше? У тебя есть путь отхода?

– Вообще-то я думал, что он есть у тебя.

⁸ Сын Чарльза Линдберга, знаменитого летчика, совершившего трансатлантический перелет, был похищен из собственного дома, за него затребовали выкуп, он был заплачен, но ребенка не вернули, а потом нашли его труп. Как установила экспертиза, ребенок погиб случайно, потому что похититель с ребенком сорвался с садовой лестницы, вылезая из дома Линдбергов. Обвинение пало на безработного плотника, эмигранта из Германии Бруно Гауптмана, который был казнен, по этому делу приняли закон о смертной казни за похищения. В деле много белых пятен, не раскрытых до сих пор.

Грей выругался в темноте.

– Здесь...

Грей надел на лоб фонарик – чертовски опасно, скажу я вам, надевать фонарик на лоб, можно пулю в голову получить – и начал обследовать какую-то дверь. Я стоял чуть дальше, у стены, прикрывая его.

Раздался скрежет, потом сдавленная ругань.

– Помоги...

Я подошел, навалился на дверь – сейчас нас можно было брать голыми руками. Непонятно почему, но ее перекосило в косяке, и нужно было прикладывать большие усилия, чтобы открыть ее. Вдвоем мы еле справлялись.

– Черт бы все побрал... – После очередного рывка дверь неожиданно легко поддалась.

– Что это за...

– Заходи.

Я включил фонарик на цевье – синеватый галогенный луч пробежался по старой мебели, толстому слою пыли.

– Что это за место?

– Это? Это тут устроили путевые обходчики. Несколько десятилетий назад они работали в метро, проверяли пути – сейчас это делает техника. А это что-то вроде комнаты отдыха, служебное помещение.

– Откуда ты знаешь?

– Я ходил сюда. Парень показал, сталкер. Из транспортной полиции. Он меня учил...

– Черт, а что ты раньше не сказал. Могли бы взять...

– Не могли бы. Его снайпер убил...

Черт...

– Он говорил, тут где-то была еще одна дверь. Помоги – надо проверить стены.

– Куда она ведет?

– В служебные помещения станции. Говори тихо.

– Ты тоже...

Комната была оклеена старого фасона обоями, мы пошли по стенам, осторожно тыкая ножами. Осторожно, потому что черт знает, что там с той стороны. Наконец мой нож наткнулся на что-то железное.

– Здесь.

Грей подошел, потыкал ножом, потом полоснул наискось, начал сдирать обои. Обои сползали кусками, открывая темную сталь двери.

– И как мы ее откроем? Взорвем?

– А вот как. Ну-ка навались...

Оказалось, что дверь не имела замка вообще – ее просто с обеих сторон заклеили обоями и забыли о ее существовании. После нескольких ударов она провалилась, и мы со страшным грохотом ввалились в небольшое помещение, свалив какой-то шкаф. Если бы тут были кузены – тут нам был бы конец. Но кузенов не было.

Это было что-то типа кладовой. Какие-то шкафы, металлические, старого образца, как в армии, закрытые на ключ. Вероятно – архив.

Грей встал на колени, направив ствол взводного пулемета на дверь. Если кто-то услышал шум и придет посмотреть, в чем дело, здесь его ожидает достойный прием. А мы нырнем обратно во тьму тоннелей.

Минуты текли медленно и вязко, как патока. Воздух был сухой и прохладный.

– Чисто, – наконец решил Грей, – пошли. И на твоём месте я бы подумал о другом оружии.

– А что не так?

– По этой штуке в тебе очень быстро опознают противника. SCAR – только у местных спецов. И у русских, как оказалось.

– Другого нет. – Я мысленно выругал себя, надо было брать другое запасное оружие, например Мк18, похожим вооружены и англичане.

– Тогда не светись. Сможешь вскрыть замок?

– Прикрой.

Замок мог быть и навесным – с той стороны, но это был всего лишь простенький замок на пружине. Он был как-то защищен от вскрытия снаружи, но не изнутри.

Замок, хрустнув, открылся.

Коридор. Такой, какие делают для обслуживающего персонала – дешевое покрытие на полу, голые стены, плакат с маршрутом эвакуации при пожаре. Удивительно, но здесь все еще горело аварийное освещение.

– Свет.

– Вижу...

Свет – это плохо. Если есть свет – англичане могли сунуться на станцию. Если бы света не было – охотников соваться в темный тоннель не нашлось бы.

Поворот. Грей шел первым, с пулеметом, я замыкал наш маленький отряд с автоматической винтовкой. Еще одна дверь.

– Это на платформу... – Грей зачем-то встал на колени, снял шлем, приложил ухо к двери, прислушался, потом сдавленно прошептал: – Голоса...

Этого только не хватало.

– Уходим?

– Нет... Надо атаковать с двух сторон. Кажется, это чистильщики. Тоннельные крысы⁹, они тут есть. Сможешь выйти обратно в тоннель?

– Да.

– Пятьдесят метров вперед – и на платформу. Пошуми... граната есть?

– Есть.

– Бросишь, я начну.

А мне придется играть роль подсадной утки. У англичан есть и приборы ночного видения, и много чего интересного. Если это крысы...

– Добро. Десять минут.

Я хлопнул Грея по плечу и пошел назад.

Не знаю, что меня тогда остановило перед дверью. То ли чутье, то ли еще чего. Как бы то ни было, я едва избежал смерти.

Я уже прошел назад, и между мной и тоннелем была только дверь, та самая, которую мы еле открыли. Перед тем как выйти в тоннели, я опустил на глаза прибор ночного видения, посмотрел и...

Замер.

Луч! Лазерный луч, луч лазерного прицела прорезал темноту, бил в дверной проем. С той стороны кто-то был.

Крысы! Тоннельные крысы были уже здесь! Они нашли место входа, и я был жив только потому, что они не поняли, что это такое. Одна термическая граната – и я тут сгорю к чертовой матери...

⁹ Спецгруппы, действующие в подземных коммуникациях. У англичан они были, потому что им приходилось иметь дело с кривизмами в Афганистане и в племенной зоне на севере Индии.

Стараясь не шуметь, не выдать ни единым движением своего присутствия, я опустился на колено, направив дуло автоматической винтовки на дверь. Огляделся – стол, массивный, старомодный стол, он мог стоять в зале заседаний какой-нибудь корпорации, и одному богу известно, как он оказался здесь, в нью-йоркской подземке.

Медленно. Медленно! Один шорох, и все. И если они запустят робота – тоже дело дрянь, остается надеяться, что робот-наблюдатель не протиснется в дверь. Они могут и камеру бросить, и волоконно-оптический световод...

Медленно...

Лазерный луч задержался как раз тогда, когда я, перемещаясь по сантиметру, спрятался за тумбой стола.

Видимо, к англичанину, проверяющему тоннели, пришло подкрепление, и он решил заглянуть внутрь, проверить, что к чему...

Рискнуть?

Я осторожно достал из разгрузки стальное яблоко осколочной гранаты. Усики чеки я уже разогнул, так что выдернуть – нет проблем. Услышат щелчок – нет?

Решившись, я выдернул чеку из гранаты, бросил ее и сам бросился вперед.

За стеной что-то крикнули, но было поздно. Никто не успевал ничего сделать, а меня от осколков защищала массивная бетонная стена тоннеля. Громко, плескуче грохнуло, перед дверью я резко тормознул, выдернул из подсумка еще одну гранату и выкинул в темноту – успех надо закреплять. Снова грохнуло, криков уже не было, я начал протискиваться в дверь и только по тому, как у самой головы звякнуло, металлом об металл, понял, кто-то ведет огонь по мне, ведет огонь по мне из темноты тоннеля. Ломанувшись вперед, как медведь, я рухнул на пути. Рельсы метропути – хоть какая-то защита...

Запах сгоревшей взрывчатки, крови, дыма, сырой запах бойни. Скольких попластали мои две гранаты, я не считал, но явно что не одного – один лежал прямо передо мной, прикрывая от прямого выстрела спереди, еще на одного я наступил, когда выскакивал. Еще один выстрел – я его увидел, пуля выбила искру из рельса, совсем рядом. Не зная, жив ли тот англичанин, что лежал передо мной, или нет, я перевернул его, чтобы использовать его тело как баррикаду и упор для цевья при стрельбе лежа. Но третьего выстрела не последовало, а вместо него в темноте замигал фонарик.

Грей. Тот, кто сигналил, знал азбуку Морзе.

Я все же примостил винтовку, прицелился. Видно было не очень хорошо, но я заметил край платформы и парня, сильно похожего на Грея, который держал в руке что-то, сильно напоминающее снайперскую винтовку.

Точно – Грей.

Я поднялся, поковылял по рельсам и бетонным шпалам туда, где стоял Грей.

Грей подал мне руку, я поднялся с его помощью на платформу. В руках у него была винтовка AW с полным набором – глушитель, лазер, оптика с установленной впереди ночной насадкой. Модель Covert для спецопераций – у нее складывается приклад и есть интегрированный глушитель. А на этой, кажется, еще и нестандартный, длинный магазин. Снайпер, который стрелял в меня с платформы, лежал у его ног, ни он, ни я не обратили на него внимания – враг он и есть враг.

– Все?

– Чисто. Минус три. Какого хрена ты начал?

– Они уже были в тоннеле. Я увидел лазер, случайно. Повезло.

– Да уж. Сколько?

– Не знаю. Минимум двое.

– У меня трое.

Мы посмотрели друг на друга – кого-то не хватало. Британцы ходят на дело четверками, это стандартный их патруль. Пять на четыре явно не делилось, и даже если предположить, что в тоннеле я убил не двоих, а троих...

– Давай сматываться...

– Подожди... – Грей явно не собирался расставаться с трофейной винтовкой, он сложил приклад и закинул винтовку за спину, начал обыскивать труп. – Там еще двое лежат. Возьми трофейную винтовку, а эту брось к чертовой матери.

– Я не собираюсь воевать непонятно чьим оружием.

– Черт... на улице ты будешь бросаться в глаза, как...

Я заметил чехол – на нем и лежал снайпер, мягкий чехол для винтовки, на котором можно и лежать, как на стрелковом мате. Если сделать так...

– Погоди-ка...

Труп англичанина Грей аккуратно прислонил к одной из колонн. В других обстоятельствах можно было подумать, что человек сидит, может быть, принял на грудь лишнего, или он бездомный, но на самом деле человек был мертв. Грей убил его ножом, убил тихо и быстро. Понять не могу, что заставляет его ненавидеть и убивать своих, даже несмотря на то, что тайная власть Британии приговорила бывшего лейтенанта САС к смерти и попыталась исполнить приговор в Северной Ирландии. Все равно, по-моему, это не повод. Хотя...

Пусть делает, как знает.

У убитого я разжился ручным пулеметом DIEMACO LSW. Это не совсем ручной пулемет – ну, да ладно, тем более что он легкий, а этот еще и со складным прикладом. Магазин спаренный, барабанный, на сто, передняя рукоятка с сошками. Прицельные просто великолепные – коллиматор, впереди на цевье – ночник, а сзади на поворотном кронштейне еще и двукратная увеличивающая насадка.

Хорошо САС снабжают, хорошо...

И еще хорошо, что сейчас все современные разгрузки делают со стандартными креплениями для подсумков. Ну, не все, но современные делают именно так. Это хорошо тем, что ты можешь закрепить на своей разгрузке, что тебе надо и как тебе надо, а еще это хорошо тем, что ты можешь замародерить чужое снаряжение. Как я сейчас.

У убитого было четыре стандартных магазина на тридцать патронов, в почках¹⁰ по два. Я их замародерил, прикрепил на своей разгрузке, потом перевернул труп на спину и из дей-пака на спине добыл еще три магазина на сто, полных. Придется кое-что выкинуть из своего, но это все я заберу с собой. Под пять сотен патронов и ручной пулемет – не лишнее в перестрелке.

Еще я добыл бутылку воды и допил ее ровно в тот момент, когда Грей появился из темноты.

– Значит, так. Возьми очки, операторские. У него есть.

Очки я не сразу заметил – они были подняты на шлем и прикрыты чехлом. Снял, натянул себе на голову.

– Идешь молча. Если что, говорить буду я.

– Я знаю английский, позволю тебе напомнить.

– Любой мой бывший коллега при твоём акценте схватится за пистолет...

Ну, да... В Англии на ирландский акцент реагируют нервно.

– Если что, говори короче.

– Слушаюсь. А если они выставили пост на выходе?

– Тогда отваливаем вниз...

¹⁰ Карманы на разгрузке.

Нью-йоркские станции метро заглублены несильно, на некоторых даже нет эскалаторов, люди спускаются в метро по ступеням, как в старом берлинском U-bahn. Эта была как раз из таких, неглубоких. Широкие лестницы, турникеты, будки на выходе – с контролерами и полицейскими. Только что ждет там, наверну?

- Идем спокойно, – сказал Грей, – я иду первым, ты вторым. Морда понаглее, и вперед.
- Морда?
- Да, такое британское выражение, равно как старина и все такое прочее.
- Хороши мы будем, появившись из подземки с такими... мордами.

Нью-Йорк – это не просто город. Это огромная агломерация, в которой проживает до сорока миллионов человек, она почти слилась с Вашингтоном и Бостоном, образовав единую восточную мега-агломерацию. Нечего и думать было о том, чтобы взять город с ходу. Британцы и не стали этого делать. Территориальные части, канадцы, у которых были танки, прошли западнее, отрезая агломерацию от остальной части САСШ, а подоспевшие британские морские пехотинцы уже взялись за дело, медленно, шаг за шагом зачищая город. Был уже шестой день безвременья, когда никто не знал, в чьих руках все-таки город.

– Лицо попроще...

Пахнет гарью. Гарью и гнилью... господа, здесь даже во время войны мусорят, а мафии нету, и вывозить всю эту дрянь, конечно же, некому. Баррикады на улицах, брошенные машины, сдвинутые кое-где в сторону саперными бульдозерами, пластиковые мешки с мусором и... длинные рулоны туалетной бумаги, выброшенные на улицу как символ сопротивления. В этом весь Нью-Йорк.

– Слева...

Слева стоял автомобиль. «Шерпа», но это тот же «Хаммер», только двигатель послабее и поплотнее. Командирский, без пулемета, но с антеннами.

Зуб даю – тех самых парней, что спустились в подземку. Тут сзади две лавки, итого на восемь человек машина получается. Как раз...

– Нет... – процедил сквозь зубы Грей.

Оно в общем-то и правильно. Машина – она хороша, если ты воюешь в поле. В городе, тем более таком, как Нью-Йорк, где каждая улица запросто перекрывается баррикадами, такая машина только проблем добавляет...

Горят покрышки, горят двухсотлитровые бочки – какое-то освещение есть. И патрули – британский патруль слева. Это, похоже, даже не британцы... канадцы, территориалы. Три автомата, у одного с оптическим прицелом, еще у одного бельгийский ротный пулемет с патронным мешком. Они выпускаются фирмой Manroу по бельгийской лицензии. Здоровые ребята... надеюсь, что необщительные. А то я им за хоккей напому...

Проходят мимо. Секрет вот в чем – ты делаешь рожу топором и говоришь: «Мне на все на...ть!» После чего идешь вперед и ни на кого не обращаешь внимания. Вот и все. Какой там комендантский час, я военнотружущий армии Ее Величества. Точнее уже – Его.

На тротуаре – мусор из вывернутых контейнеров, такое ощущение, как будто кто-то рылся. Разбитые витрины. Как только напали англичане, негры буквально озверели, бросились убивать, грабить, насиловать. Процентот семьдесят, что грабила здесь все-таки не регулярная армия, а именно негры.

Чуть в стороне – часть стены обрушилась на тротуар, надо обходить...

Началось все внезапно, как и начинается обычно дерьмо...

Впереди что-то заорали, и тут же плеснуло... несколько очередей, британцы, стоящие на углу рядом с внедорожником, оживились... и в этот момент из параллельной улицы вылетела ракета и ударила во внедорожник. Что-то серьезное... его охватило пламенем как-то разом, британцев разбросало...

– В сторону!

Застучал пулемет, пули прошли уже в опасной близости от нас. Я заметил контейнер, здоровенный такой североамериканский мусорный контейнер, в который мусора не одна тонна войдет. Можно, конечно, и встрять... вон там двое, детская цель, спинами к нам – да черт с ними... пусть живут...

За спиной послышался топот, потом кто-то тяжело плюхнулся рядом...

Британец!

Это был не британец, а канадец. Тот самый, с пулеметом. Он стоял на колене, прикрываясь контейнером, и смотрел вперед.

– Цел?

Я буркнул «Yes», постаравшись сделать это так, чтобы не выдать ирландский акцент. Ирландский акцент – признак скорее американца, тут полно ирландцев.

– Надо взять этих козлов! Давай – вон до той машины, я прикрою!

Козел.

Расстрел за дезертирство – совсем не то, что мне было нужно на данный момент, поэтому я перебежал к указанному автомобилю: мусоровозу на сгоревших до корда покрышках, занял позицию за ним. Махнул рукой, и канадец побежал ко мне, теперь уже я прикрывал его...

Вот это вляпались...

Канадец снова выглянул, осторожно, и отпрянул назад. Коротко свистнуло, кузов мусоровоза брызнул искрой.

Снайпер!

– Надо дым!

– Есть идея, – сказал я, – прикрой, я попробую добраться до окон. Вот там, кажется. Надо пройти этажами...

Канадец кивнул, перехватил поудобнее пулемет.

– Три – два – один – пошел!

Ротный пулемет оглушительно застучал за спиной, я бросился к окну, и тут что-то словно подсказало – нет, не успею. Прыгнул, перекатился по битому стеклу и залег за одной из машин, брошенных искореженными у тротуара. Пулемет молчал, я оглянулся, канадец лежал за машиной, пулемет валялся рядом...

Твою мать...

Стараясь не высовываться, я нащупал на разгрузке гранату, рифленый цилиндр светозвуковой. Выдернул чеку и бросил вперед. Как рванет, у меня будет пара секунд, пока снайпер приходит в себя. За это время мне надо подняться на ноги и завалиться вон туда, в пиццерию. Пара секунд – судя по подготовке снайпера, не больше...

– Второй. Второй, так тебя!

Ответа нет. Причины этого могут быть совсем разными...

Я поднялся на локте на скрежещущем, битом стекле, чтобы посмотреть, что происходит на улице, и в этот момент где-то что-то рвануло, с той стороны, откуда мы пришли. Рвануло неслабо, так, что ударная волна достала даже меня, а всю улицу заволокло стеной пыли... как на съемках событий десятого сентября. Ну, когда небоскребы-близнецы рушились.

А, чтобы...

Откашлявшись, я поднялся на ноги. Это и впрямь была пиццерия, вся разгромленная. Видно не было ничего, из глаз катились слезы, я моментально надел трофейные операторские очки. Немного полегчало...

– Второй. Второй, на прием!

Грей, Грей...

Ручной пулемет был в целости и сохранности, хоть и было пыльно. Держа его наизготовку, я пошел туда, где, по моему разумению, должна была быть задняя дверь пиццерии. На первом этаже пиццерия, на втором и последующем, наверное, офисы, и к ним ведет пожарная лестница, располагающаяся на заднем дворе. Вот там я и заберусь наверх...

Заднюю дверь я нашел, и лестница там была, ее не взорвали. По ней я забрался на второй этаж, пожарная дверь, конечно же, была закрыта, но я выбил прикладом окно, выбрал осколки и пролез внутрь. Стрельба не утихала, на улице что-то пророкотало. По-видимому, британский вертолет... интересно, у кого хватило взрывчатки заминировать и взорвать здание. У британцев, или это кто-то из партизан такой подготовленный?

Я попал в офисное помещение, из недорогих: офисные перегородки примерно по грудь, общий ксерокс и кабинет начальника в углу, отделенный от рабочих мест ограждением из прозрачного стеклопластика. Ни следов боя, ни следов от пуль... войну сюда принесло лишь мое вторжение.

Дверь была заперта, хитрить было некогда, поэтому я ее просто выбил. Коридор... вот тут уже война во весь рост – все окна выбиты, следы от залетевших с улицы пуль, пыль, что-то вывернуто в коридор из мебели, да так и лежит...

Куда, вправо или влево? Наверное, вправо, потому что улицей шли вправо. На улице ничего не видно, так и стоит пыльный туман, хоть глаз выколи, но кто-то стреляет.

Грей не отзывался.

Пошел вправо... интересно, как там перебираться из одного здания в другое... многие строили стенка к стене, а сейчас еще и дыры специально пробивали. Если этого тут и нет, спущусь на первый, переберусь по улице.

Выстрел!

Хлесткий такой, сверхзвуковой щелчок, который не спутаешь ни с чем. Самое главное – щелчок этот совсем рядом.

Снайпер в этом здании!

Охотиться на снайпера – дело из последних, в этом противостоянии один из вас точно не уцелеет. Проще уйти, не знаю, подвалами, улицей, пусть и в этой пыли... как угодно. Но я решил остаться. Снайпер должен был мне сказать про Грея... да и вообще, мы на одной стороне, и мне надо было знать, что происходит и кто это решил остаться в городе после того, как нас окончательно отрезали и было принято решение об общей эвакуации.

Пулемет, как и винтовку, за спину, в здании с ним делать нечего. Пистолет сорок пятого калибра с глушителем-то, что надо для такой охоты, вот его – в руки. Монокуляр – на глаз, он современный, то, что надо для действий в ночное время, он может вовремя предупредить и о лазерной системе контроля периметра, которую снайпер может использовать. И осторожно... очень осторожно. В этой пылище и грязеище легко можно и на обычную растяжку наступить.

Снова два щелчка, один за другим. Черт, как он видит сквозь этот туман, ночь и пылищу, у него что, тепловизор?

Задача решилась за меня и намного быстрее, чем можно было представить. Я услышал шаги, быстрые, но осторожные, они приближались. Кто-то спускался по лестнице и спускался быстро. Я дождался, пока он пройдет мой этаж, шагнул следом, поднимая пистолет.

– Руки! Стреляю на первое движение!

Человек остановился. Он был среднего роста, в военной форме, за спиной на ремне рюкзака на три дня и странного вида винтовка, притороченная сбоку в хорошем, профессиональном чехле.

– Повернись. Только медленно. Ты англичанин?

Парень хорошо подготовился – шляпа с мягкими полями и что-то вроде маскировочной сети, которая завешивает лицо, но через которую можно видеть. Я такие не люблю – все-таки обзор через сетку намного хуже.

– Вопрос – ты англичанин?

– Нет, сэр, – ответил он, – и я вас знаю.

На улице остановилась какая-то машина, раздался звук, который я отлечу от любых других – слитный топот ног. Армейское подразделение занимает позиции на штурм.

– Нам не уйти, сэр.

Иногда надо рисковать. Как в этом случае.

– Давай за мной. Быстро и тихо.

Мы пробежали тем же путем, которым я попал в здание, вылезли на пожарную лестницу...

– Вон они!

Первым же выстрелом я убил неосторожно сунувшегося в проулок англичанина – было видно, как брызнуло красным на стену. Спускаться по ступеням было некогда, и я просто прыгнул, благо, не десятый этаж. Приземлился плохо, сгруппироваться не успел. Хрустнуло то ли под ногами, то ли в самой ноге. Выстрелил еще дважды – англичане пока не совались, копили силы, но тела уже не было, оттащили за угол.

Рядом удачнее, чем я, как кошка, приземлился снайпер.

– Сюда!

Мы пробежали уже две трети пути, когда по стенам защелкали пули. Одна из них ударила в дей-пак – ощущение, как после хорошего пинка по заднице, чуть не упал. Под ногами грязь, хрустит стекло... эту войну, наверное, назовут стекольной, стекло везде. Я обернулся, дал короткую, злую очередь из пулемета, чтобы не совались. Побежал дальше.

– Вот здесь, сэр! Помогите!

Мы с трудом сдвинули с места большой контейнер, наполненный дико воняющим мусором – по нему уже барабанили пули. Под контейнером оказался открытый люк.

– Сюда, сэр! Быстрее!

Опасность для жизни заставляет шевелиться – перебирая руками и ногами, я спустился вниз, в огромный и гулкий тоннель, по которому отводят воду и нечистоты с улиц.

– Ты меня знаешь? – спросил я у снайпера, который включил фонарь и уверенно пошел вперед по щиколотки в грязной воде.

– Да, сэр. Я вас помню, только поэтому не попытался убить. Вы были в Бразилии, сэр. И я там был...

Первая граната шлепнулась в люк и разорвалась, подняв фонтан грязи, когда мы были уже вне опасности...

Канализационный коллектор

Утро 11 июля 2012 года

Нью-Йорк

– Признаюсь, не ожидал вас здесь увидеть, сэр...

Полковник Тимоти Ругид, единственный из всех его людей, у которого лицо не было завешено сеткой, сидел напротив меня на какой-то бочке, которую неизвестно как занесло сюда, в канализационный коллектор. Остальные люди Ругиды сторожили периметр, уйдя в обе стороны коллектора. Под ногами хлюпало, пахло просто омерзительно...

– Признаться, я тоже. Мы встречаемся при весьма странных обстоятельствах.

Последний раз был во время той самой операции, когда мы пытались вытащить из джунглей источник радиоактивной заразы. Получилось это у нас... не очень. С потерями получилось.

– Этот парень, – я кивнул в ту сторону, откуда мы пришли, – едва не подстрелил меня. Какого черта вы тут делаете, если был отдан приказ об общей эвакуации?

– Тот же самый вопрос я могу задать и тебе.

Я промолчал.

– Эвакуация не для нас. Нам нужно кое-что закончить, парень. Только потом мы сделаем ноги. Последними.

– На самолете найдется несколько лишних мест?

Полковник промолчал.

– Сэр, я воевал за вашу страну, хотя здесь не родился и не имею никаких обязательств. Мой позывной в сети Рейвен, командер Рейвен.

Полковник думал какое-то время. Потом долг победил осторожность. Помогите любому другу – одно из правил североамериканского офицера.

– Карта есть?

Я достал карту. Полковник жировым карандашом отметил на ней две точки.

– Основная точка. Запасная точка. Пароль: эхо. Одно только слово – эхо.

– Эхо, сэр.

– Вот именно. Мы вывезем вас, но после этого – ваши проблемы.

11 июля 2012 года Нью-Йорк

Город пал. Я понимал это, пробираясь по канализационным коллекторам и то и дело натываясь на сваленные вниз трупы, на проломы, сделанные авиабомбами. Город не мог не пасть – отрезанный от остальной территории страны, совсем рядом с границей, теоретически дружественной, но на самом деле оказавшейся враждебной. Город пал, и по его улицам, как две с лишним сотни лет назад, хозяевами шли британцы. В одном месте уже заваривали крышки канализационных люков... они уже поняли, что защитники города наносят удары из подземелий, и предпринимали ответные действия; я вовремя увидел это и ушел в сторону, в безопасную тьму канализации.

Грея больше не было. Лучше бы я не наткнулся на него в этом проклятом подвале... тогда бы он отступил со всеми и уцелел, и не получилось бы, что я убил человека, которому спас когда-то жизнь: сам спас жизнь, сам ее и забрал.

Города тоже больше не было. Оставалось только одно.

Петляя по канализации, включая на пару секунд приемник ГЛОНАС¹¹ и снова выключая его, я наконец вышел в один из подвалов крупного здания неподалеку от моей основной цели. Плотная городская застройка, самое то для активных действий – британцы даже сейчас опасаются соваться. Достал рацию с шифрованным каналом, включил на подзарядку – ха! Как бы не так! Электричества нет...

– Рейвен – всем группам Ромео. Рейвен – всем группам Ромео. Отзовитесь, кто сохраняет активность.

– Рейвен – это Ромео-три. Сохраняем активность, находимся в городе.

– Ромео-три, что с остальными группами?

– Группы один, два и четыре эвакуированы. Находятся в желтом статусе. Мы ожидаем вас для эвакуации, сэр.

Желтый статус – это подводная лодка. Они могут так работать долго, очень долго... подводная база способна сохранять боеспособность месяцами.

– Ромео-три, отбой эвакуации. Выходите на точку эpsilon, – я прикинул, что к вечеру смогу быть там, – занимайте оборонительные позиции. Отход в случае, если я не появлюсь...

– Рейвен, подтверждаю.

Выключив станцию, я пошел дальше – еще не хватало, чтобы засекали...

– Ромео – юниформ – гольф – индия – дельта, – повторил я фамилию встреченного мною в нью-йоркской канализации полковника, – подтвердите прием.

– Ромео – юниформ – гольф – индия – дельта, принято, – подтвердила станция.

– Сьерра-Индия, запрос – мне нужно подтверждение дружественного статуса. Повторяю – подтверждение дружественного статуса.

– Рейвен, мы сделаем все, что можем. Группа подчинена не нам, у нас нет ни протокола, ни частот, ни периодичности связи. Если мы полезем без этого, они просто оборвут связь. Вопрос – что там у вас?

– Сьерра-Индия, британцы проявляют серьезную активность. Продолжаю действовать.

– Рейвен, удачи. Мы на полпути к точке вывода.

– Сьерра-Индия, удачи и вам!

¹¹ ГЛОНАС – глобальная навигационная система. Гражданский аналог армейской Легенды.

Вот так вот. Возможно, Ругид и вовсе действует в одиночку, без связи с кем бы то ни было. Одиночка, в сущности, как и я же. А мне помощь сейчас будет нужна, любая.

Будем думать. По ходу действия... как говорил один из преподавателей в кадетке.

– Notning, sir! Clear!¹²

Век бы не слышать этого проклятого британского прононса – они говорят как бы в нос и не договаривают, глотают окончания слов. Хотя язык и один, британца от американца поговору можно отличить запросто.

Идти в открытую было уже нельзя – после той перестрелки они увеличили бдительность, пустили по улицам дополнительные патрули, все на ногах, все бдят. Наверное, кто-то уже шерстит и канализацию, хорошо, что мне не попадались. Слышал, что есть какая-то игра компьютерная, про невеселое будущее – там какие-то солдаты всемирной армии, прежде чем самим спускаться в канализационные коллекторы, бросают туда каких-то летающих роботов, которые нападают на все живое. Спасибо, что нет хотя бы этого.

Вообще, после отступления армии, Нью-Йорк был похож на слоеный пирог; у британцев катастрофически не хватало сил на зачистку, и город больше держали негры из Гарлема, чем англичане. Англичане тоже это понимали и стреляли не во всех, кто попадется им на пути с оружием, а только в белых. На главных улицах города анклавами стояла британская техника, были солдаты, они пытались строить какие-то опорные пункты, их обстреливали. Чуть в сторону – каменные джунгли, в которых кого только нет...

Точно, никого здесь нет. Вали отсюда...

Луч фонаря метнулся в сторону и пропал, шорох шагов по осколкам бетона и стекла. Собаки у них нет, была бы собака – учуяла бы.

Уходят...

Последние несколько сотен метров пришлось идти два с половиной часа, намного больше, чем я предполагал. Центр города, много англичан, каким-то ублюдкам вздумалось остановиться в нескольких метрах от меня, чтобы перекурить, потрепаться и облегчиться. Некоторые здания повреждены, в основном от огня пулеметов и легких пушек, есть проломы от НУРС, но серьезных повреждений от авиабомб нету. Британцы насторожены, в патрулях по четыре человека, в здания не суются, остаются на виду друг у друга. Вот это я и не рассчитал – здесь никто не ходит один, все – группами, видимо, одиночное передвижение по толком не защищенному городу запрещено. В здания не суются, не рискуют.

Где-то впереди загрохотала перестрелка, взревел мотор бронетранспортера. Это и есть мой шанс, пока все отвлеклись на стрельбу. Шагнул на улицу из укрытия – каждый раз, как только это делаешь, внутренне сжимаешься, как будто на улице тебя пуля встретит. Быстрым полубегом, полубегом пошел по улице, встроившись в общий ритм жизни на ней. Британцы бежали в ту сторону, откуда раздавалась стрельба, туда же проехал вооруженный пулеметом легкий броневик. А я – всего лишь парень, задержавшийся облегчиться и отставший от патруля – не мог же я выскакивать по тревоге на улицу со спущенными штанами, верно?

Вот и оно. Федерал-Плаза, двадцать шесть. Только не хватало, чтобы здесь постоянный пост выставили – вполне могут, здесь учреждения с государственной тайной. Единственный расчет на то, что не успели...

Мне надо было вниз – там, в защищенном подвале стояли серверы, в том числе сервер ФБР и сервер АТОГ, антитеррористической оперативной группы, объединенного центра по борьбе с терроризмом местного уровня, созданного после событий 9/10. Там есть и система запасного питания – два дизель-генератора, и мощные блоки бесперебойного питания, чтобы серверы не зависели от скачков напряжения в сети. И...

¹² Ничего, сэр. Чисто!

Негры!

Проклятье... Я как раз прошел холл, охраны, естественно, не было, толкнул дверь, за которой был выход на служебную лестницу, ведущую вниз, и столкнулся с тремя неграми. Все трое здоровые, у одного в носу кольцо из желтого металла, как у быка, и у всех троих заняты руки тем, что они тащат. Они тоже не ожидали встречи со мной – встали как вкопанные.

– Эй, снежок, какого черта... – лениво начал один из них...

Недолго думая, я выхватил пистолет, первую пулю всадил в лоб этому ублюдку, который назвал меня снежком, еще по две – на остальных. Негры повалились друг на друга на узкой лестнице, как сбитые в кегельбане кегли.

Перепрыгнув через убитых негров, я бросился вниз, обуреваемый самыми худшими предчувствиями. Так и есть – у стены составлены в рядок ружье двенадцатого калибра, карабин «Мини-14» и две автоматические М16. Дверь настежь, оттуда раздается какой-то треск.

Я пошел к двери...

– Эй, чо там за движняк...

Еще один негр вышел на меня из двери, в руке монтировка. Глянул и посерел от страха.

– Ты чо...

Тихо хлопнул задушенный глушителем выстрел, и негр повалился на пол. Последнего я застрелил почти сразу после этого, он отвлекся от любимого занятия негров – разрушения построенного другими, и выбежал на помощь своим сородичам с монтировкой. Проверил – дальше чисто.

Хоть волком вой. Ублюдки траханные!

Эти ублюдки где-то угнали машину или две. Поскольку охраны больше не было, они решили заняться грабежом. То, что они здесь выломали в серверной, можно хорошо продать, в Бронксе есть целый рынок, где торгуют краденым, в том числе и краденными компьютерами. Систему наблюдения, которая стоит двести тысяч долларов, там можно купить за тысячу, правда без документов, иногда некомплектную и поломанную. Вот и эти ублюдки, разломав серверную, на которую государство потратило пару миллионов долларов, собирались все это продать, как лом, с ценными металлами и радиодетальями, и выручить за это полторы-две тысячи долларов. Деньги, конечно же, спустить на крек¹³...

Твари...

Вот в этом вот все негры. Если им дать волю, они будут бить, крушить, грабить, насиловать, убивать. Они разломают прибор стоимостью в миллион долларов, чтобы продать его, как лом, за тысячу, они даже не способны понять, для чего служит этот прибор и что они сломали. Если начнется война, они начнут грабить и мародерствовать, вырвавшись из своих кварталов, окруженных системой сторожевых постов, как варвары, как гунны, как воины нового Атиллы. И эти ублюдки, которые появились здесь не больше получаса назад, вывели из строя серверную и лишили меня информации. Есть, конечно, и другие негры, но этих больше...

Ну и что мне теперь делать?!

Трупы я стащил вниз и бросил, оружие закинул подальше в разломанную серверную – такого добра мне и даром не надо. Закрыв дверь, которую тупо отжали ломом... те, кто предусматривал защиту от несанкционированного вторжения, поставили здесь сканер сетчатки глаза... наверное, они и думать не думали, что будет такое?

Уходить?

Одно из правил ведения боевых действий – прежде чем засунуть куда-то свою пятую точку, подумай, как ты ее потом оттуда высунешь. Небоскреб в этом смысле, пусть он и называется «федеральное здание», – место очень скверное, его легко окружить, легко блокировать нижние этажи, и те, кто останется на верхнем, будут в ловушке, это хорошо узнали те, кому не

¹³ Дешевый наркотик, на основе кокаина низкой степени очистки.

повезло находиться в офисах «близнецов» на верхних этажах десятого сентября в Нью-Йорке. Если я пойду наверх, где находится офис ФБР и центр АТОГ, а в это время внизу все блокируют англичане, то мне ничего не остается, кроме как сдаваться, или прыгать вниз с двадцатого этажа. Ни то, ни другое меня не устраивает...

С другой стороны. ФБР известно своим маниакальным подходом к оформлению дел. Оно и понятно: адвокаты в Америке зубастые, дела, которые ведет ФБР, – тяжкие, и при малейшем нарушении закона суд может освободить даже явного преступника по соображениям «нарушения процедуры». ФБР расследует дела о похищениях, возможно, они успели хотя бы получить полицейский меморандум и подшить его в какую-то папку. Возможно, там есть и не только полицейский меморандум с несколькими рапортами... полицейская система в САСШ работает хорошо, просто великолепно, здесь полицейских больше, чем в России, раз в пять...

Наверх я поднялся по пожарной лестнице, находящейся внутри здания, она не была ни повреждена, ни разрушена, ни взорвана. Офисы ФБР находились на последних этажах, выше этажей, занимаемых АТОГ, и, в отличие от офиса АТОГ, больше походили на крупный офис какого-то банка в смысле защищенности. Ни стальных дверей, ни поста на входе – ничего этого нет. Только системы контроля доступа, которые можно тупо обойти. Как? А вот как!

Замок поддался с третьего выстрела, я пнул дверь – чисто! Иного и ждать глупо. У самих дверей темно, дальше светлее – там, наверное, стекла выбиты. Принюхался – гарью не пахнет, возможно, картотеки уцелели. Здесь они файлохранилищем зовутся, дело здесь называется «файл». Хорошо, что здесь таблички на дверях – сразу понятно, что где. Но только мне нужно не файлохранилище.

Отдел особо тяжких нашел с третьей попытки, израсходовав восемь патронов на вскрытие дверей. По моим прикидкам, рабочий файл должен быть у кого-то на столе, его не успели сдать на хранение, дело приоритетное, по нему должны были работать.

Отдел особо тяжких – и сразу бинго! Помещение выглядит как колл-центр крупной корпорации – легкие перегородки отгораживают рабочие места одно от другого, на каждом – небольшой сейф, папки входящее – исходящее, толстенный том «Правил и инструкций ФБР». На стене – доска, на ней маркером написано «Русские!» Дело первого приоритета. Ага! – значит, здесь работала временная сводная оперативная группа по этому похищению. Достал телефон, включил его и сфотографировал доску несколько раз, общим планом, потом то, что меня заинтересовало. Сбоку справа был список имен агентов, которые привлечены к работе по этому делу, старший группы – некий Н. Кребс, старший агент. Та же самая табличка: «Н. Кребс» на двери устроенного в углу «начальственного» кабинета – ага, значит, начальником группы по раскрытию подвизался сам начальник отдела особо тяжких, значит, в деле была перспектива, и он ее увидел. Алиса уже у норы¹⁴, осталось совсем немного...

Два патрона на дверь, большой стол, на столе идеальный порядок. Ящики стола? Сейф? Только не сейф, у меня есть взрывчатка, но взрыв может привлечь внимание. Я и так оставил следы – достаточно спуститься в серверную...

Дело было в ящике стола. Папка с аккуратно подшитыми материалами. Мельком пролистал – полно материалов, в основном стандартные полицейские формы и формы ФБР. Бинго, бинго, бинго! Что бы там ни было написано, я сделал это.

Теперь – вниз. Пора и честь знать...

¹⁴ Л. Кэрролл. Алиса в стране чудес.

11 июля 2012 года Нью-Йорк Точка «Эпсилон»

Точкой «Эпсилон» называлось дурное место на границе Бруклина и Куинса, северо-восточнее аэропорта Флойда Беннета, занятого англичанами. Раньше тут были какие-то фабрики, потом их перепрофилировали, построили склады. Наличие неподалеку еще одного веселого местечка Нью-Йорка, Куинса, делало это место довольно опасным в криминальном плане.

Я пролез через пролом в заборе, осмотрелся: похоже, тихо. Ворота снесены, сторожка разворочена, один из складов – ворота открыли вилочным погрузчиком, тупо подняли их силой и вынесли все, что там было. На бетонке – следы от тяжелых грузовиков. Но мне тут ничего лишнего не надо – просто отсидеться до темноты и встретить тех из русских, кто еще оставался в городе. Вместе... оно всегда веселее...

Зашел в тот самый склад, двери в котором сломали вилочным погрузчиком, рассудил так: если кто и придет сюда, поймут, что здесь точно брать нечего. В складе было темно, широкие проезды между стеллажами и сами стеллажи – высотой метров двадцать, на всю высоту бывшего фабричного цеха, то есть шесть ярусов хранения. Я отпер дверь запасного выхода на случай, если придется сматывать удочки, и устроился там, где было светлее всего – крыша осталась старая, и в ней было что-то типа панорамного окна... не знаю, как это называется. Под ним было светло, особенно если взобраться по стеллажам повыше.

Достал мятый «Сникерс» – мы набили ими карманы несколько дней назад, оказавшись на складе какой-то компании, торгующей продовольствием. «Сникерс» был последним... ничего, с голода не помрем. Положил перед собой папку с делом, которую я умыкнул из офиса ФБР, и начал изучать его, страница за страницей, заодно и подкрепляясь.

Страна была на грани, но система все еще работала. Я догадался, почему дело взял на себя начальник отдела особо тяжких. Просто никого не было... видимо, многих агентов дернули на дело «Старой кирпичницы» – ядерный взрыв в стране и убийство президента. Все кувырком... и сорока восемью часами после этого не прошло до того момента, как началась война. Интересно... чем все это закончится...

Так, первое, как обычно, рапорт о преступлении на имя инспектирующего агента Н.И. Уотса. Ничего интересного, кроме того, что основание для возбуждения расследования – сообщение шерифа округа о федеральном преступлении. Далее стандартный бланк о возбуждении дела и производстве предварительного расследования. Похищение... параграф 1201, том 18, свод законов САСШ. Так называемый «Закон маленького Линдберга», по нему похищение человека наказывается смертной казнью.

А вот сам полицейский рапорт, который получили в электронном виде, распечатали и подшили к делу, заслуживал внимания.

Одиннадцать листов только самого рапорта, отдельно – дело о так называемой «гангстерской перестрелке». Из него следовало, что две группы вооруженных людей устроили перестрелку с использованием оружия третьего класса прямо на улице города, в результате чего погибло семнадцать человек. Чрезвычайно серьезное дело... если на юге такое встречается, то тут это редкость, здесь под боком спокойная Канада, а не взбудораженная Мексика. Отдельно – материалы на погибших в перестрелке, один местный житель и шестнадцать неопознанных... материалов вскрытия нет – просто потому что не успели, вскрыть семнадцать человек – это не шутки. Материал по вскрытию только один – местный житель, некая Лора Энн Хатауей, которой не повезло ехать в этот день по улице за рулем своего пикапа. Причина смерти – потеря

крови, кровопотеря вызвана пулевым ранением в шею, повредившим артерию. По остальным – к гадалке не ходи, причина смерти будет примерно такая же.

Каждый погибший был сфотографирован, по фотографиям не проблема было посчитать – одиннадцать – пять не в нашу пользу. Не хочу даже думать, что было бы, если бы задание по эксфильтрации выполнял я и моя группа. Внезапное нападение, причем нападение подготовленных и хорошо вооруженных профессионалов, скорее всего, бойцов САС редко оставляет шансы на какой-либо другой исход. Видимо, я поторопился, обвиняя организатора эвакуации в непрофессионализме и самонадеянности. Что могли – они сделали, не дрогнули и не отступили.

Отдельно прочитал меморандум шерифа, направленный в ФБР. Шериф написал о том, что произошедшее у него в округе является не чем иным, как разборкой двух частных военных компаний, сопряженной либо с захватом заложника, либо с похищением человека. Основания для такого заключения – использование оружия третьего класса, автоматического, использование взрывчатки. На трупах обнаружено нестандартное оружие валлонского производства, бронежилеты, профессиональные средства связи. В багажнике – спутниковая станция связи и навигатор, тоже профессиональные, армейского образца.

В принципе – правильно, только еще круче. С одной стороны, не частная компания, а элитная часть, подчиняющаяся приказу.

Дальше шли стандартные бланки сообщений – Министерство безопасности Родины, Министерство Обороны, АТОГ. После 10/11, которое, как считают, произошло из-за проблем с обменом информацией, такой обмен данными является обязательным.

Дальше. Приказ о создании временной сводной оперативной группы, еще один запрос на АТОГ с просьбой прислать сотрудника, имеющего опыт расследования преступлений террористического характера. Приказ начальника ВСОГ, план расследования, завизированный и утвержденный всеми. Дальше уже шли документы по расследованию, в основном – полицейские доклады.

Один из них меня заинтересовал. Так заинтересовал, что я включил фонарь, чтобы еще раз перечитать. Это могло не значить ничего, а могло значить многое.

В дело был подшит рапорт пограничной службы. После «Старой кирпичницы» был введен ограничительный режим для полетов частной авиации. Воздушное пространство над границей патрулировал Predator C Guardian – беспилотный летательный аппарат, специально разработанный для контроля пограничной зоны. В четырнадцать двадцать семь по восточному поясному времени он засек групповую воздушную цель, которая направлялась на территорию Канады, и опознал ее как два тяжелых транспортных вертолета Chinook и два ударных типа Apache. По правилам – должен был пройти запрос о статусе, курсе, намерениях, и он прошел. Вертолеты ничего не ответили на запрос, но один из них активировал систему радиоопознавания. Но код опознан как свой не был! Перехватчики в воздух не поднимали – просто не успели. Ракетной системы ПВО, конечно же, не было. О произошедшем установленным порядком было сообщено в министерство обороны для проведения внутреннего расследования. Это могло быть все, что угодно... учения... да все! Но самое главное – к запросу прилагалась распечатка сигнала и его перемещения. Потерян он был в четырнадцать пятьдесят две. Это было квалифицировано как «инцидент, не угрожающий летной безопасности» – никто просто не мог представить, для чего угонять вертолеты в Канаду.

Так...

Я перевернул один из рапортов, на чистой обратной стороне по памяти примерно нарисовал карту этого района – граница САСШ и Канады и прилегающая территория. Как все-таки плохо – нет Интернета, в Интернете можно было бы зайти на сайт с картами и взять оттуда любую карту – спутниковую, топографическую, любую. Исходя из распечатки, я начал наносить точки для того, чтоб понять, куда направлялись эти вертолеты. Хотя бы примерно.

Я рассуждал как: допустим, я пилот вертолета. У меня не бесконечный запас топлива, и как и любой нормальный пилот я буду делать все для его максимально экономного расходования. Если я нахожусь в воздушном пространстве чужого государства, значит, в моих интересах как можно быстрее убраться на чужую территорию. Если я знаю конечную точку полета, самое разумное будет не петлять, а с самого начала лететь к ней, верно? Значит, если я нанесу на карту все точки и проведу прямую линию по ним – где-то в том районе и будет точка, которая мне нужна. Конечно, это все надо будет проверять и перепроверять... а если бы не было сейчас войны, то было бы еще проще... содействие Королевской канадской конной полиции, опрос свидетелей... дней пять, и мы бы точно знали координаты аэродрома. Но сейчас война – и приходится многое додумывать на ходу, делать шаткие предположения, рискуя очень многим.

На рисование у меня ушло минут пятнадцать, когда закончил, полюбовался своим творением. Прикинул, что из всего этого может получиться.

Они пересекли границу, идя почти параллельно семидесятой долготе... где-то между семьдесят первым и семьдесят вторым градусом. Слева у них Монреаль, справа – Квебек. Спрятались в городах? Или все же нет?

Если да, то проблема осложняется, но мне все-таки кажется, что нет. Во-первых, города слишком близки к линии фронта, может произойти все, что угодно. Например – до сих пор не сказали своего слова силы ядерного сдерживания САСШ... конечно, наносить ядерные удары по своей территории они не будут и по Монреалю не будут, а вот по Квебеку птичку могут выпустить... для острастки. Кроме того, в городах сейчас полный бардак, ослаблен контрразведывательный режим. В них сложно найти цель, но если нашел – подобраться и тихо уйти не в пример проще. Нет, это должно быть что-то типа... уединенной виллы, охотничьего домика, базы нефтедобытчиков... что-то такое, находящееся на отдалении от городов, скорее всего, с базой ВВС рядом для прикрытия с воздуха. Вероятно, на этой базе и приземлились вертолеты, которые доставили Государыню и Наследника в Канаду. И эта точка располагается в пределах досягаемости для ударных и транспортных вертолетов, то есть никак не на границе с Гренландией.

Уже что-то.

Посмотрел на часы – время было. Снова достал мобильный коммуникатор, включил его, вбил все данные в виде текстового файла, потом сфотографировал рисунок, чтобы понятнее было, о чем речь. Сформировал все в единый пакет, на мгновение включил мобильник и отправил все на почтовый ящик, принадлежащий русской разведке, точнее, моим контактам в Петербурге. Напрямую, потому что дорога каждая секунда.

Все. Теперь надо сматываться...

Уже перелезая через забор – я направлялся в сторону Куинса, – я услышал глухой рокот вертолетных лопастей. Птицей перемахнул через забор, бросился за разграбленную машину, стоящую на подложенных под мосты кирпичках, залег. Два «Вестланд Вестминстера» прошли почти над самым моим убежищем, поднимая винтами пыль, судя по черному цвету, уродливым нашлапкам на носках и длинным штангам для дозаправки – вертолеты для сил специального назначения. Молодцы, радиоразведка хорошо работает – мгновенно засекли. Но все равно – ищите ветра в поле...

А мне надо машину найти. Какую-нибудь... неприметную, но крепкую. Передвигаться на ногах больше не годится...

Машину я нашел почти сразу – просто повезло, потому что машин-то на улицах полно, но с них сливают топливо. Это был AMC Ranger, небольшая, но крепкая машина¹⁵ со сле-

¹⁵ В нашем мире не существует. Примерный аналог пятидверной «Нивы», но покрепче и с более мощным мотором.

дами небольшого столкновения, которое меня ничуть не заботило. Топлива было полбака, заправки были разграблены, заправиться негде, но надеюсь, хватит. Здесь дизельный «Камминс», маленький, жрет мало – хватит...

На нужном перекрестке я остановился, за неимением нормального фонарика отморзил¹⁶ тем, что был установлен на рамке пистолета. Через минуту – в машине нас было уже пятеро, считая меня, а я тут же тронул машину с места, потому что захватить людей, движущихся в машине, намного сложнее, чем людей в стоящей машине. Время было к ночи, надо было двигаться к точке, обозначенной полковником Ругидом. И присмотреться – там нам могла просто готовиться засада, как людьми Ругида, так и англичанами, пронюхавшими про план отхода. Доверять нельзя было никому.

– Докладывайте, господа.

– Господин вице-адмирал, по приказу Адмиралтейства группы отошли на исходную позицию, путь отхода подводный. Семь единиц личного состава потеряно безвозвратно, еще четверо – живы, но небоеспособны, остальные остаются в строю. Господин вице-адмирал, мы ваша группа эвакуации, обеспечиваем ваш отход.

Неплохо. Это за две недели жесточайших боев. Хотя... так и должно быть.

– Каким образом?

– Подводным путем. Есть две законсервированные точки: одна в Аппер бей, другая у Лонг Бич. Там акваланги со свежими баллонами, индивидуальные носители. Подгруппы прикрытия выдвинутся по запросу.

Мы объехали британский броневик, солдат рядом с ним не было, и нас не остановили. Снайперы и просто бандиты, стреляющие из автоматов, научили британцев без нужды не лезть в кварталы и не покидать бронетехнику. Складывалась просто поразительная ситуация – вроде как англичане контролировали город, но на деле они контролировали только магистрали и то не все. Внутри кварталов их власти не было.

– Видите ли, господа. Я не собираюсь эвакуироваться сейчас и не собираюсь эвакуироваться на подводную лодку. Есть дело, которое мы должны сделать. И я предлагаю для этого продолжить тесную дружбу с североамериканцами. И сейчас поможет и на будущее пригодится. Мнения?

– Господин вице-адмирал...

– В отставке, в отставке. Я сейчас гражданский, я выполняю здесь задание, сути которого раскрывать не могу. Если выполним, военно-морской крест каждому почти гарантирован, Престол никогда не отличался неблагодарностью. Если не выполним, потом и могил наших не найдут. По старой доброй традиции на такое дело идут только добровольцы. Так что каждый из вас должен сейчас принять для себя решение и сказать его вслух. Не для меня – для всех. Итак?

Со мной остались все.

Страннику

Воздух!

Объект установлен в точке с координатами 4926035 675315. Местонахождение подтверждено. Приказываю обеспечить эвакуацию объекта на дружественную территорию. Для обеспечения эвакуации вам разрешено использовать любые средства и методы. Силы, назначенные для поддержки эвакуации, находятся в двух дневных переходах, канал связи прежний.

Птаха.

¹⁶ То есть передал сообщение азбукой Морзе.

Как установили местонахождение августейших заложников, я не знаю, но примерно предполагаю, тем более что сообщение пришло ровно через час после того, как я отправил свои соображения, основанные на материалах ФБР. Программа «Ермак» – программа, способная воссоздать скелет мамонта не то что по одной кости – по одной-единственной молекуле. Рассекречивание происходит ежеминутно – неосторожный телефонный звонок, письмо по электронной почте подруге, в котором сказано лишнее, приказ о выделении материальных ресурсов, неосторожный крупный заказ в сеть быстрого питания. Говорят, что за последние пятьдесят лет человечество создало больше информации, чем за весь период своего существования, а за последние десять лет – больше, чем за все предыдущие сорок. «Ермак», работающий с «Неводом», глобальной программой перехвата данных, – страшная сила, и если его направить, подтолкнуть в нужном направлении... Возможно, проведенный мной вектор и явился тем самым главным фрагментом, на основе которого оказалось возможным собрать картинку целиком. А может – и нет. Да это уже и неважно.

До контакта с людьми Ругида оставалось менее получаса.

Ночь на 12 июля 2012 года Нью-Йорк

Все аэропорты были заняты англичанами, это были приоритетные цели и главные опорные точки для контроля территории. Мы видели посадочные огни и слышали гудение мощных двигателей – «Белфасты», «Виккерс-Британии» приземлялись на североамериканской земле, извергали из своих пропахших авиационных керосином внутренностей сотни солдат и технику, и это было плохой новостью. Хорошей новостью было то, что при таком интенсивном авиационном движении никто не посмеет стрелять по нам ракетами ПВО, даже если мы заложим прощальный круг над Говернорс-Айлендом. Слишком большой риск зацепить своих.

– Матьер божья... – не сдержался я, выслушав уставшего, но довольного Ругида. – Вы хотите сказать, что у вас в городе самолет?

– Точно, – Ругид довольно улыбнулся, – пусть нас считают простаками, но если надо – обычные техасские парни перехитрят и кузенов, и русских. Не в обиду будет сказано.

– Да какие тут обиды. Я чертовски рад унести свою задницу из этого ада со скоростью в пятьсот миль в час.

– Ну... такую скорость не обещаем, но довести – довезем. Готовы?

– Да, сэр! – отозвался из темноты кто-то.

– Тогда начинаем! Быстро, быстро!

На полковника и его людей мы вышли быстро, на основной точке, опознались нормально, без перестрелки и случайных жертв, тем более обидных сейчас, когда время сваливать. По видимому, командование подтвердило то, что я играю за хороших парней, и полковник отнесся ко мне намного теплее, чем тогда, в канализационном коллекторе. Я постарался прощупать его на предмет привлечения к спасательной операции в Канаде, но ответ получил уклончивый, мол, у меня тоже есть командование. Думаю, шансы еще есть, учитывая то, что я знаю про командование, про его более чем тесную связь с агентом Сокол... да и вообще думаю, у Николая найдутся аргументы для североамериканцев, чтобы склонить их на свою сторону. Я уже сейчас продумывал контуры спецоперации... она мне виделась несколько нестандартной. Обычный налет с вертолетов не годился, его можно было бы провести и без североамериканцев, своими силами. Несколько вертолетов, морской спецназ и группа по обеспечению безопасности авианосца, большие специалисты в ближнем бою, приписанные для порядка к морской пехоте, хотя у них были совершенно разные задачи. Но так не годится – нужно провести доразведку объекта, раскрыть численность, подготовку, вооружение противостоящего нам противника, отследить наличие технических средств безопасности и наблюдения, попытаться узнать о том, где держат заложников, и вступить с ними в контакт, если это удастся и будет безопасно для них и для нас. Нужно было забросить разведывательную группу, способную действовать на месте хотя бы несколько дней, не вызывая подозрений, под видом... нефтяников, туристов, еще кого. И хотя среди тех, кого мне пришлют, все будут знать английский язык, сойти за своего там может лишь североамериканец. Тем более на приисках там полно людей с Техаса, британцы нанимают их для организации добычи битуминозных песков... то еще дельце.

В общем – североамериканцы в раскладе были желательны. Очень. Тем более такие, как «Яд кобры», спецподразделение морской пехоты САСШ, выполнявшее специальные задания в различных странах мира и знакомых с разведдеятельностью.

У полковника оказался самолет, нужно было его лишь вытащить. Он был замаскирован совершенно гениально – в недостроенном здании многоэтажной стоянки, для того, чтобы выгнать его на магистраль, надо было разобрать часть стены, причем так, чтобы это все не рух-

нуло на самолет. Именно этим сейчас и занимались мои люди и люди полковника Ругида, пока мы сами, за недостатком личного состава, стояли на посту, на случай если британцы решат посмотреть, что мы тут делаем. Надеюсь – не решат: стемнело, а ночью в Нью-Йорке проблем и так хватает...

Это был «Боинг МС-14», самолет для поддержки войск специального назначения, примерно такой же, как и наша «Fledermaus», «Летучая мышь» от «Юнкерса» и «Гаккель-Сикорский ГС-476СПн» от «Гаккеля», здоровый четырехмоторник, который может лететь на десяти метрах над землей со скоростью восемьсот километров в час. Самолет был большим – его фюзеляж по сечению совпадает с С130 «Локхида», но в специальной версии он короче. Крылья тоже короче, шире, с очень развитой механизацией крыла. Вместо четырех турбовинтовых моторов на С130 – на МС14 стоят два турбореактивных, расположенных поверх крыла – очень необычное расположение моторов, но оно позволяет не думать о ППП¹⁷ – биче всех летательных аппаратов, особенно тех, которые взлетают с необорудованных площадок. Мы изучали технику потенциального противника – и я мог наизусть перечислить оборудование этого самолета. Система спутниковой навигации САТКОМ, лазерный радар, так называемый «лидар» в дополнение к обычному, система приема спутниковых координат GPS. FLIR, система обеспечения полета в условиях низкой освещенности, инерциальный навигатор от крылатой ракеты, позволяющий длительное время лететь в режиме следования местности, две системы радиоэлектронного противодействия, включающие в себя генератор помех, так называемый джаммер, и систему генерации ложных целей, система предупреждения о ракетном нападении и облучении радаром. Самолет был покрыт не обычной, а специальной черной, чуть поддающей под руку краской, снижающей радарную заметность самолета, он обладал усиленным шасси и мог взлететь с полосы длиной всего двести пятьдесят метров. С такого самолета и впрямь можно было и взлететь из центра города с ротой спецназа на борту, и пролететь через очень серьезное ПВО.

Зацепив самолет пикапом, его вытащили на прямой отрезок дороги, про который никто бы не подумал, что он пригоден для взлета транспортного самолета. Поставили самолет в самом начале импровизированной взлетной дорожки. Морские пехотинцы побежали вперед, выкладывая ХИСами ориентиры для летчика.

Неприятности начались, как всегда, неожиданно: кто-то крикнул – внимание, цели! Целями оказались два патрульных «Харриера», которые патрулировали местность и, вероятно, шли на посадку в аэропорту Флойда Беннета. То ли британцы что-то увидели и послали патрульную пару проверить сигнал, то ли сами летчики немало удивились светящейся полоске из ХИСов в темноте. Как бы то ни было – они были совсем рядом...

Сразу с трех точек плеснулось пламя, в небо огненными кометами взмыли управляемые ракеты типа «Стингер». «Харриеры», пилоты которых еще не разобрались, что они видят, попытались уйти от ракет, щедро разбрасывая тепловые ловушки, но от «Стингера ПОСТ» не уйти и более современному и скоростному самолету. Две вспышки, две новые звезды полыхнули над Куинсом, два британских истребителя-бомбардировщика вертикального взлета и посадки рухнули на город. Однако эта победа обещала быть пирровой.

Едва не ломая ноги, мы бросились вниз, здание, в котором мы дежурили на верхнем этаже – каркас-то был уже построен, но стройка не завершена, и на лестничных пролетах не поставили перил, шаг в сторону – и тридцать метров пустоты ждут тебя с распростертыми объятьями. Просто удивительно, как никто из нас не упал, но никто не упал, и до первого этажа мы добрались без единого перелома...

¹⁷ Попадание посторонних предметов.

Выскочили на улицу – пилот уже прогревал двигатели, в темноте зловеще светились дефлекторы, отклоняющие струю исходящего из двигателей воздуха для короткого взлета. К самолету бежали бойцы, грузились, понимая, что времени нет совсем, и чем быстрее мы свалим отсюда, тем целее будем. Но на сей раз нам так не повезло – если для «Харриеров» и их пилотов произошедшее стало неожиданностью, то для пилота вертолета, посланного на зачистку района, было само собой разумеющимся. Приглушенное, отражающееся от стен зданий «вамп-вапм-вамп» застало нас на дороге, и мы бросились в стороны, уходя от красных трассеров, распоровших асфальт совсем рядом с нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.